M-14

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXIX~~ XXIII Sr I.
Полка ~~3~~ 4 3
№ ~~7~~ 20. 56

М-14

Л. Н. МАЙКОВЪ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ
ИВАНА АНДРЕЕВИЧА
КРЫЛОВА
НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПОПРИЩѢ.

(Посвящается А. А. М.)

4491

Научная библиотека им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39
1889.

908
889
19

Оттиски изъ журнала «Русскій Вѣстникъ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1889 года.

Немногимъ изъ русскихъ писателей было суждено пріобрѣсти такую всенародную славу, какая выпала на долю Крылова. Не только вся грамотная Россія знаетъ его басни, но и оригинальная личность баснописца пользовалась въ свое время большою популярностью, особенно въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ бо́льшую часть своей долгой жизни и гдѣ умеръ почти сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ. И не смотря на то, о немъ сохранилось больше анекдотовъ, чѣмъ достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній. Громкая слава началась для него лишь на четвертомъ десяткѣ жизни: когда, въ 1806 году, появились въ печати его первыя басни, ему было уже тридцать-семь лѣтъ отъ роду—возрастъ, въ которомъ скончался Пушкинъ. А когда, черезъ два, три десятка лѣтъ, слава Крылова достигла своего апогея, когда для его читателей сдѣлалась интересною самая личность баснописца, оказалось, что онъ пережилъ всѣхъ своихъ литературныхъ сверстниковъ, тѣхъ писателей, вмѣстѣ съ которыми выступилъ на поприще словесности. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ уже не отъ кого было собирать свѣдѣнія о раннемъ періодѣ его литературной жизни, и приходилось довольствоваться его собственными разсказами: источникъ драгоцѣнный,—но Крыловъ мало и какъ-то неохотно говорилъ о своихъ молодыхъ годахъ, такъ что современникамъ его бодрой старости удалось записать отъ него очень немногое и нерѣдко довольствоваться одними его намеками. Мало говорилъ онъ о себѣ и въ своихъ произведеніяхъ: дневника, конечно, не велъ, писемъ писать не любилъ, и ихъ уцѣлѣло отъ него немного болѣе десяти. Словомъ, его литературное наслѣдство тоже не богато матеріалами для его біографіи.

Первое, появившееся въ печати, извѣстіе о жизни Крылова

помѣщено Н. И. Гречемъ въ его „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ (С.-Пб. 1822); но это не болѣе какъ маленькое извлеченіе изъ его формулярнаго списка. Другая, болѣе пространная на видъ, біографія знаменитаго баснописца напечатана въ „Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи“ (С.-Пб. 1841). Въ фактическомъ отношеніи она ничего не прибавляетъ къ извѣстію Греча, кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, да и тѣ разсказаны невѣрно, какъ было въ свое время замѣчено П. А. Плетневымъ [1]). Если очеркъ этотъ кажется пространнѣе извѣстія Греча, то лишь потому, что авторъ наполнилъ его безсодержательными общими разсужденіями и громкими фразами: по нимъ легко узнать, что составителемъ этой ничтожной статейки былъ довольно извѣстный въ свое время подражатель Марлинскаго П. П. Каменскій; къ ней-то и относится слѣдующая записка, посланная къ Крылову его сослуживцемъ по Императорской Публичной Библіотекѣ М. Е. Лобановымъ 31-го января 1841 года: „Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный Иванъ Андреевичъ. Прочитайте ее, поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти. Вашъ Лобановъ“. Очевидно, статья Каменскаго была сообщаема Крылову еще въ рукописи; но онъ возвратилъ ее Лобанову вмѣстѣ съ его запиской, на которой приписалъ карандашемъ:

Прочелъ.
Ни поправлять, ни выправлять
Ни время, ни охоты нѣтъ [2]).

Крылову на старости не хотѣлось шевелить свое прошлое. Нашлось однако лицо, которое, приблизительно въ то же время, сумѣло выспросить у баснописца нѣкоторыя подробности о его дѣтствѣ и молодости. Это была Елизавета Алексѣевна Карлгофъ. Изъ сдѣланныхъ ею замѣтокъ составилась статья, напечатанная еще при жизни Крылова въ дѣтскомъ журналѣ *Звѣздочка* (1844 г. № 1). Въ сущности, и до сихъ поръ она должна

---

[1]) Въ *Современникѣ*. Ср. Сочиненія П. А. Плетнева, т. II, стр. 320—321.

[2]) Подлинникъ этой записки находится у П. Н. Тиханова а напечатана она въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VI. Мы не согласны съ Я. К. Гротомъ, который полагалъ, что записка Лобанова относится не къ статьѣ „Портретной галлереи“, а къ біографіи Крылова, написанной Д. Н. Бантышомъ-Каменскимъ для его втораго Словаря достопамятныхъ людей Русской земли (С.-Пб. 1847).

служить главною канвою для его жизнеописанія, такъ изъ нея черпали его первые посмертные біографы—П. А. Плетневъ и М. Е. Лобановъ [1]). Правда, будучи сами въ короткой пріязни съ Крыловымъ, они могли дополнить замѣтки г-жи Карлгофъ своими собственными воспоминаніями; будучи лучше ея знакомы съ нашею литературой конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, могли воспользоваться кое-чѣмъ и изъ этого источника; но все же, и послѣ ихъ трудовъ, статья г-жи Карлгофъ не теряетъ своего значенія первоисточника: нѣкоторыя обстоятельства жизни Крылова изложены здѣсь въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ у Плетнева и Лобанова.

Еще одному лицу изъ позднихъ современниковъ Крылова удалось, въ бесѣдахъ съ нимъ, уловить нѣсколько воспоминаній о его прошломъ: мы разумѣемъ его младшаго сослуживца по Публичной Библіотекѣ И. П. Быстрова. Замѣтки свои, накопленныя въ теченіе многолѣтнихъ ежедневныхъ сношеній съ Крыловымъ, онъ собирался привести въ порядокъ, но къ сожалѣнію, не исполнилъ своего намѣренія. Отъ него осталось лишь нѣсколько „Отрывковъ изъ записокъ объ И. А. Крыловѣ“, напечатанныхъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1845 и 1846 годовъ [2]). Наконецъ, въ 1846 году были еще напечатаны въ *Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* „Матеріалы для біографіи И. А. Крылова“, въ которыхъ анонимный авторъ сообщилъ воспоминанія о немъ какого-то тверскаго старожила, знавшаго Крылова въ Твери въ началѣ 1780-хъ годовъ, и помѣстилъ любопытный оффиціальный документъ о ранней его службѣ, отысканный въ архивѣ Тверскаго губернскаго правленія [3]).

Къ этимъ скуднымъ матеріаламъ для біографіи Крылова, появившимся въ сороковыхъ годахъ и собраннымъ большею

---

[1]) Статья Плетнева впервые напечатана при „Полномъ собраніи сочиненій И. Крылова“, изданномъ Ю. Унгмейстеромъ и Э. Веймаромъ въ 1847 г.; впослѣдствіи она вошла въ академическое изданіе Сочиненій и переписки П. А. Плетнева (С.-Пб. 1885). Статья Лобанова „Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова“ помѣщена въ *Сынѣ Отечества* 1847 г., кн. I, и вышла тогда же отдѣльною книжкой.

[2]) 1845 г. №№ 203 и 205; 1846 г. № 63. Замѣтки Быстрова почти цѣликомъ внесены въ „Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ“, приложенный къ труду *В. Ѳ. Кеневича*: Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. С.-Пб. 1868.

[3]) Эти „Матеріалы“ перепечатаны въ *Сѣверной Пчелѣ* 1846 г. № 292, а также въ вышеупомянутомъ „Указателѣ“ *Кеневича*.

частью при его жизни, впослѣдствіи прибавилось также немного. Даже столѣтній юбилей со дня его рожденія, отпразднованный въ 1868 году, вызвалъ лишь небольшое количество новыхъ сообщеній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Изъ появившагося въ шестидесятыхъ годахъ наиболѣе цѣнны: воспоминанія о Крыловѣ Ф. Ф. Вигеля [1]), затѣмъ свѣдѣнія, сообщенныя П. В. Алабинымъ о дѣвушкѣ, которую любилъ двадцати-трехлѣтій Крыловъ [2]), и наконецъ, нѣсколько оффиціальныхъ документовъ и свидѣтельствъ современниковъ, которые помѣщены въ *Сборникѣ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ (т. VI).

Эти архивныя данныя отчасти помогли исправить преданія, записанныя первыми біографами баснописца; но все это лишь отрывочныя черты его внѣшней жизни, не дающія настоящаго ключа къ разъясненію его внутренняго развитія до той поры, когда онъ сталъ писать басни, которыя доставили ему значеніе классическаго писателя. Эта послѣдняя задача не разрѣшается даже превосходною характеристикой нравственной личности Крылова, данною Плетневымъ; не разрѣшена она и г. Галаховымъ на тѣхъ прекрасныхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ Крылову въ своей „Исторіи русской словесности“. Плетневъ лично узналъ Крылова уже на шестомъ десяткѣ его жизни, когда онъ писалъ однѣ басни; г. Галаховъ основалъ свое сужденіе о немъ также преимущественно на басняхъ, какъ на замѣчательнѣйшемъ изъ его произведеній. Иначе сказать, и біографъ, и критикъ имѣли въ виду Крылова главнымъ образомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ убѣжденіями, выработанными всѣмъ прежнимъ ходомъ его жизни. А если такъ, то становится возможнымъ слѣдующій вопросъ: то праздное благоразуміе, та безжизненная мудрость, то равнодушіе къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, тотъ покой безстрастія—не симпатичныя черты, которыя Плетневъ и г. Галаховъ видятъ въ окончательно сложившемся характерѣ Крылова и въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, были ли онѣ коренными, исконными свойствами его духовной природы, или же онѣ образовались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Другими словами: какимъ человѣкомъ Крыловъ былъ

---

[1]) Замѣтки Вигеля о Крыловѣ были извѣстны еще Плетневу (см. въ его статьѣ гл. XV); въ печати онѣ появились въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 г., а потомъ вошли въ составъ Воспоминаній Ф. Ф. Вигеля. М. 1866, ч. I, стр. 141—145.

[2]) *Русскій Архивъ* 1868 г.: „Къ біографіи Крылова: молодая любовь его къ А. А. Константиновой“.

смолоду, испыталъ ли онъ порывы и увлеченія, свойственныя юнымъ годамъ, и что̀ подавило въ немъ живую дѣятельность ума и потушило душевный огонь? Что̀, наконецъ, заставило его творчество замкнуться въ узкую сферу одного поэтическаго рода, гдѣ онъ проявилъ себя великимъ мастеромъ слова, но въ то же время холоднымъ мудрецомъ, который въ глубинѣ души, кажется, ничего не любилъ, ни ненавидѣлъ?

Эти важные вопросы, къ сожалѣнію, слишкомъ мало останавливали на себѣ вниманіе біографовъ и критиковъ Крылова, а потому и до сихъ поръ онъ во многихъ отношеніяхъ остается для насъ „загадкою“, какою представлялся поэту Батюшкову въ 1809 году [1]). Предлагаемая статья не имѣетъ притязанія разгадать эту мудреную задачу; но въ ней сообщается нѣсколько новыхъ матеріаловъ, которые должны послужить къ дальнѣйшему разъясненію дѣятельности Крылова въ годы его молодости. Въ концѣ 1888 года Императорской Публичной Библіотекѣ удалось пріобрѣсти два большія письма Крылова, относящіяся къ тому времени. Письма эти оставались до сихъ поръ совершенно непзвѣстными, а между тѣмъ сохранились они не въ подлинникахъ, но въ копіяхъ, снятыхъ, вѣроятно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія; слѣдовательно, еще въ то время они ходили по рукамъ и своимъ содержаніемъ могли обратить на себя вниманіе какого-то стариннаго собирателя литературныхъ рѣдкостей. И въ самомъ дѣлѣ, письма эти представляютъ значительный интересъ: они не только сообщаютъ новыя данныя для біографіи Крылова и исторіи его первыхъ произведеній, но и представляютъ замѣчательныя черты для его нравственной характеристики въ тотъ ранній періодъ его жизни. Издавая эти письма, мы сочли полезнымъ обставить ихъ объясненіями на основаніи матеріаловъ, прежде обнародованныхъ [2]).

---

[1]) Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 53.

[2]) Чтобы не пестрить статьи множествомъ примѣчаній, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи не дѣлаемъ постоянныхъ ссылокъ на статьи г-жи Карлгофъ, Плетнева, Лобанова и Быстрова, а также на документы, напечатанные въ т. VI *Сборника* II-го отдѣленія Академіи. Должно однако замѣтить, что даже въ оффиціальныхъ документахъ о службѣ Крылова встрѣчаются неясности и противорѣчія. Такъ, даты, выставленныя въ аттестатѣ, который былъ выданъ Крылову въ 1810 году при увольненіи его изъ монетнаго департамента (Примѣчанія *Кеневича*, стр. 296), не согласны съ хронологическими указаніями, содержащимися въ документахъ о службѣ Крылова въ Тверскомъ магистратѣ и С.-Петербургской казенной палатѣ (*Сборникъ* Академіи, т. VI). Даты этихъ послѣднихъ документовъ, очевидно, заслуживаютъ предпочтенія и потому приняты въ нашемъ изложеніи.

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ не могъ получить сколько-нибудь систематическаго образованія въ дѣтствѣ и юности. Ему едва минуло семь лѣтъ (родился онъ 2-го февраля 1768 года), когда его отецъ, армейскій капитанъ, оставилъ военную службу въ Оренбургскомъ краѣ и поселился съ женою въ Твери. Здѣсь не было въ то время никакихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовной семинаріи: первая школа для купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей возникла здѣсь лишь въ 1776 году, а дворянское училище еще позже, въ 1779 [1]). Крыловъ не былъ помѣщенъ ни въ то, ни въ другое, а нанимать для него домашнихъ учителей было не по средствамъ его родителей. Обученный въ семьѣ грамотѣ и письму, мальчикъ считался уже годнымъ къ гражданской службѣ и девяти лѣтъ, въ 1777 году, былъ уже опредѣленъ подканцеляристомъ въ Калязинскій нижній земскій судъ. Весьма вѣроятно, что на первое время служба эта была чисто номинальная; но вскорѣ она должна была сдѣлаться дѣйствительною, такъ какъ въ мартѣ 1778 года умеръ отецъ Крылова, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію, и ея главною опорой сталъ отнынѣ старшій изъ сыновей, будущій писатель. Нашлись однако добрые люди, которые помогли бѣдной вдовѣ: черезъ три мѣсяца по смерти отца маленькій подканцеляристъ былъ переведенъ изъ Калязинскаго суда въ Тверской магистратъ на такую же должность и въ то же время получилъ возможность пользоваться кое-какими уроками въ домѣ помѣщиковъ Львовыхъ. Полагаютъ, что именно у Николая Петровича Львова, который съ 1778 года состоялъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія, а послѣ предсѣдателемъ уголовной палаты въ Твери, жилъ тотъ французъ-гувернеръ, отъ котораго Крыловъ пріобрѣлъ первыя познанія во французскомъ языкѣ. Притомъ мальчикъ пристрастился къ чтенію, пользуясь книгами, оставшимися послѣ отца и получаемыми отъ знакомыхъ. Но очевидно, все это было очень скудною пищею для его ума; недостатокъ правильнаго образованія на всю жизнь остался для Крылова не восполненнымъ и не только давалъ поводъ инымъ, какъ напримѣръ, Сперанскому, называть его „порядочнымъ невѣждой“ [2]), но и имъ самимъ чувство-

[1]) Описаніе Тверскаго намѣстничества, рукопись библіотеки Общества любителей древней письменности, № 3915. Q. CCIII, л. 9.

[2]) Отзывъ Сперанскаго относится къ 1819 г. (см. *Р. Архивъ*. 1868 г., стр. 1190), но встрѣчаться къ Крыловымъ Сперанскій могъ еще въ 1793 г. у своего товарища по С.-Петербургской духовной академіи И. И. Мартынова (Памятники новой русской исторіи, т. II, отдѣлъ 2, стр. 87).

вался вполнѣ ясно: сравнивая впослѣдствіи свои бѣдныя, случайно пріобрѣтенныя познанія со свѣдѣніями, которыми обладалъ въ языкахъ, исторіи и философіи одинъ изъ его литературныхъ сверстниковъ Рахманиновъ, Крыловъ сознавался, что много уступалъ ему въ этомъ отношеніи.

Но если образованіе не далось Крылову, за то служба въ томъ возрастѣ, когда ему слѣдовало бы сидѣть на школьной скамьѣ, и постоянная нужда очень рано доставили ему нѣкоторую житейскую опытность или, по крайней мѣрѣ, развили въ немъ способность понимать людскія свойства и сложную сѣть общественныхъ отношеній. Объ этомъ можно заключать по той наблюдательности и трезвости мысли, которыя обнаруживаются въ его первомъ литературномъ опытѣ, написанномъ, когда ему было всего шестнадцать лѣтъ: въ комической оперѣ „Кофейница“ довольно просто, безъ слащавыхъ прикрасъ и каррикатурнаго преувеличенія, изображенъ провинціальный бытъ, среди котораго Крыловъ пробылъ свое дѣтство и отрочество.

Сочиненіе „Кофейницы“ относится къ 1784 году, когда Крыловъ находился уже въ Петербургѣ; а пріѣхалъ онъ туда въ 1782, когда его мать рѣшилась отправиться въ столицу, чтобы хлопотать о назначеніи ей пенсіи за службу мужа. Хлопоты эти оказались однако безуспѣшными, и бѣдной семьѣ пришлось жить въ Петербургѣ на то ничтожное жалованье, какое получалъ Иванъ Андреевичъ, опредѣлившійся здѣсь въ 1783 году въ казенную палату приказнымъ служителемъ.

Переселеніе въ столицу было для юноши событіемъ чрезвычайной важности: онъ попалъ въ новую среду, гдѣ жизнь была разнообразнѣе и богаче умственными интересами, чѣмъ въ провинціи. Однако и здѣсь сближеніе съ людьми просвѣщенными, которые могли бы содѣйствовать его образованію, было не легко для молодого человѣка безъ всякихъ средствъ и связей. Правда, въ числѣ его сослуживцевъ по казенной палатѣ были даже люди, занимавшіеся литературой, какъ извѣстный А. Н. Радищевъ и Н. И. Перепечинъ, любитель театра, самъ кое-что написавшій для сцены [1]); но то были уже

[1]) Имъ сочинена комическая опера „Торжество добронравія надъ красотою“ (М. 1780); въ 1793 г. ему удалось отыскать между сидѣльцами гостинаго двора молодаго человѣка, который вскорѣ сталъ знаменитымъ актеромъ, А. С. Яковлева (Воспоминанія стараго театрала *С. П. Жихарева* въ *Отеч. Запискахъ* 1854 г., т. XCVI, стр. 100).

значительные чиновники, а Крыловъ—простой писецъ; понятно поэтому, что въ первые годы своей петербургской жизни онъ не выходилъ изъ круга мелкаго приказнаго люда. Единственное удовлетвореніе тѣмъ высшимъ потребностямъ, которыя таились въ немъ, онъ находилъ тогда въ посѣщеніи театра. Вообще въ то время театръ служилъ почти единственнымъ средствомъ эстетическаго развитія для русскаго общества. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія онъ былъ для многихъ русскихъ писателей-художниковъ главнымъ двигателемъ, пробудившимъ въ нихъ самихъ стремленіе къ творчеству. Такъ, очевидно, случилось и съ Крыловымъ: первый, извѣстный намъ, литературный опытъ его былъ предназначенъ для сцены, и весь начальный періодъ его авторства посвященъ театру: только на шестомъ году по выступленіи на литературное поприще онъ обращается отъ драмы къ журнальной сатирѣ.

Въ наше время на либретто оперы смотрятъ лишь какъ на канву для музыкальнаго созданія. Въ старину думали иначе: писатель сочинялъ оперное либретто съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ писалъ трагедію или комедію, а затѣмъ передавалъ композитору, чтобы положить его текстъ на музыку. При Екатеринѣ II въ особенной модѣ была комическая опера; руководствуясь италіанскими и французскими образцами, многіе наши писатели, напримѣръ, Княжнинъ, охотно брались за сочиненіе подобныхъ произведеній. Аблесимовъ даже прославился своею комическою оперой „Мельникъ“. Не удивительно поэтому, что и Крыловъ вздумалъ испытать свои силы на томъ же поприщѣ. И должно сказать, что его „Кофейница“ ни сколько не хуже большинства современныхъ ей комическихъ оперъ; по крайней мѣрѣ она не поражаетъ ни неестественностью вымысла, ни слишкомъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни. Какъ не велики ея художественные недостатки, въ ней чувствуется та наивность, та свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій.

Написавъ „Кофейницу“, авторъ желалъ видѣть ее и на сценѣ, и въ печати; но при скромномъ общественномъ положеніи Крылова добиться этого было нелегко. Въ то время жилъ въ Петербургѣ книгопродавецъ и типографщикъ Брейткопфъ, сынъ владѣльца очень извѣстной лейпцигской издательской фирмы Имманула Брейткопфа. Бернгардъ-Теодоръ или, какъ звали его въ Россіи, Ѳедоръ Ивановичъ Брейткопфъ былъ че-

ловѣкъ образованный; занимаясь торговыми дѣлами, онъ въ то же время былъ большой любитель музыки и самъ немного композиторъ; въ молодости онъ одно время учился вмѣстѣ съ Гёте, сошелся съ нимъ и написалъ музыку къ нѣкоторымъ его стихотвореніямъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ 1781 году и завелъ здѣсь типографію, въ которой печатались между прочимъ учебныя изданія коммиссіи народныхъ училищъ [1]). Къ этому-то типографщику-музыканту обратился Крыловъ, прося его положить на ноты куплеты „Кофейницы“ и вообще дать ходъ піесѣ. Брейткопфъ уже успѣлъ ознакомиться съ русскимъ языкомъ; просмотрѣвъ рукопись, онъ согласился купить ее за 60 рублей. Однако, не извѣстно почему, онъ не сдѣлалъ изъ нея никакого употребленія ни тогда же, ни позже. Вообще „Кофейница“ не была поставлена на сцену, ни напечатана при жизни сочинителя.

Какъ человѣкъ развитой, Брейткопфъ могъ замѣтить признаки таланта въ юношескомъ произведеніи Крылова; его долженъ былъ заинтересовать шестнадцатилѣтній авторъ, который, вмѣсто денегъ, попросилъ дать ему по экземпляру сочиненій Расина, Мольера и Буало. Преданіе прибавляетъ, что Крыловъ отказался взять произведенія Вольтера и Кребильона, и видитъ въ этомъ отказѣ намекъ на то, что даже въ юности нашъ авторъ питалъ къ знаменитому французскому вольнодумцу то же нерасположеніе, какое въ шестьдесятъ лѣтъ высказалъ въ баснѣ „Сочинитель и разбойникъ“. Предположеніе едва ли справедливое; при той славѣ, какою гремѣло имя Вольтера въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, его произведенія всего скорѣе должны были остановить на себѣ вниманіе начинающаго автора. Если этого не случилось, если Крыловымъ были предпочтены корифеи французской литературы не XVIII, а XVII вѣка, то очевидно, онъ руководствовался совѣтомъ и указаніемъ Брейткопфа. Какъ бы то ни было, это обстоятельство было первымъ шагомъ нашего автора къ непосредственному знакомству съ тою словесностью, изъ которой наши пи-

[1]) Впослѣдствіи Брейткопфъ оставилъ торговлю, былъ преподавателемъ въ Смольномъ монастырѣ и библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ архивѣ которой хранятся бумаги, собственноручно писанныя Брейткопфомъ на прекрасномъ русскомъ языкѣ. Въ Петербургѣ онъ женился на дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Царисъ, которая впослѣдствіи была первою начальницею Екатерининскаго института. Нѣсколько свѣдѣній о Θ. Н. Брейткопфѣ есть въ Allgemeine Deutsche Biographie, т. III.

сатели его времени почти исключительно заимствовали свои образцы.

Замѣчательно, что не Мольеръ, а Расинъ и Буало привлекли къ себѣ на первый разъ вниманіе Крылова. Онъ мечталъ о трагедіи, этой высшей формѣ поэзіи по понятіямъ псевдоклассической теоріи; у Расина онъ нашелъ образцы ея, у Буало—правила для ея сочиненія, и самъ задумалъ написать трагедію. Довольно было этой попытки, чтобы талантъ его оказался на ложномъ пути, и изъ его произведеній исчезло то, что составляетъ лучшее достоинство его перваго опыта, исчезло живое чувство дѣйствительности. Представители французскаго псевдоклассицизма избирали сюжеты своихъ трагедій обыкновенно изъ міра древности; они понимали ее невѣрно, но все-таки стояли ближе къ источнику, чѣмъ ихъ русскіе подражатели: они все же читали и греческихъ, и римскихъ авторовъ, съ которыми русскіе писатели не были знакомы. Повинуясь своимъ образцамъ и не смущаемый своимъ полнымъ незнакомствомъ съ античною жизнью, Крыловъ взялъ сюжетомъ для своей первой трагедіи исторію Клеопатры. Піеса его не сохранилась, но что это было произведеніе крайне слабое, о томъ свидѣтельствуетъ анекдотъ, который Крыловъ любилъ разсказывать впослѣдствіи, и который сохраненъ его біографами. Приведемъ его словами Лобанова, который передаетъ происшествіе хотя и безцвѣтно, но проще, чѣмъ сообщаютъ о немъ г-жа Карлгофъ и Плетневъ: „Крыловъ написалъ „Клеопатру“ и обратился къ Дмитревскому, чтобы поставить ее на театръ. Дмитревскій добродушно и охотно выслушалъ трагедію, разбиралъ ея содержаніе, ходъ и характеры, дѣлалъ замѣчанія на каждую сцену и старался передать автору все, что самъ зналъ объ этомъ искусствѣ; онъ хвалилъ то, что находилъ въ ней хорошаго, поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и, наконецъ, съ кротостію далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать“. Дмитревскій въ то время уже кончалъ свою сценическую карьеру, но онъ считался первостепеннымъ авторитетомъ въ театральномъ дѣлѣ и, какъ отличный знатокъ французской драматической литературы, былъ постояннымъ совѣтникомъ для русскихъ драматурговъ. Дмитревскій однако былъ человѣкъ очень осторожный и уклончивый въ сужденіяхъ: добиться отъ него чистой правды было не легко даже пріятелю. Жихаревъ, въ своемъ

„Дневникѣ чиновника“, также сохранилъ разсказъ о томъ, какъ онъ читалъ Дмитревскому, уже старому старику, свою трагедію „Артабанъ“; для характеристики знаменитаго актера и его манеры относиться къ молодымъ писателямъ, не лишнимъ будетъ привести здѣсь и этотъ разсказъ:

„Въ десять часовъ утра я былъ у нашего Росціуса, который принялъ меня необыкновенно ласково... „Очень, очень радъ, душа“, сказалъ онъ,—„видѣть васъ и прослушать трагедію вашу. Садитесь сюда въ кресла, а я посижу на диванѣ; но прежде надобно запереться, чтобъ намъ не мѣшали“. Онъ всталъ и заперъ дверь. „Ну, теперь начните, да читайте не торопясь: у насъ времени много“. Я началъ читать, по наставленію Мерзлякова, громко, но Дмитревскій остановилъ меня, промолвивъ: „Лучше потише, душа, а то устанешь“. Я перемѣнилъ тонъ и дошелъ до конца 1-го дѣйствія,—и что жь? Дмитревскій заснулъ! Я остановился, но онъ, вдругъ очнувшись, вскрикнулъ: „Прекрасно! Да на какомъ мы дѣйствіи остановились?“ При этомъ вопросѣ у меня опустились руки, и я хотѣлъ сложить тетрадь свою, но Дмитревскій настоялъ, чтобъ я продолжалъ чтеніе. Кое-какъ добрался я до конца піесы и спросилъ соннаго моего слушателя, что онъ о ней думаетъ, и можетъ ли она быть представлена на театрѣ. Дмитревскій отвѣчалъ, что трагедія точно отличная и прекрасно написана, но что есть нѣкоторыя длинноты, и ужь слишкомъ страшна, такъ страшна, что, по мнѣнію его, зрители не усидятъ на мѣстахъ своихъ; что она сдѣлала бы огромный эффектъ на сценѣ французскаго театра, потому что французская публика скорѣе поняла бы и оцѣнила ея красоты и великолѣпіе стиховъ; что, конечно, экспозиція немножко растянута, сюжетъ развивается медленно, что замѣтна нѣкоторая путаница въ расположеніи сценъ, а въ развязкѣ какая-то внезапность, и что самые стихи можно бы смягчить и ближе примѣнить ихъ къ характерамъ персонажей, но что впрочемъ все прекрасно, безподобно, восхительно!“ [1])

Разумѣется, Жихаревъ не чета Крылову; но очевидно, и съ авторомъ „Клеопатры“ Дмитревскій продѣлалъ тѣ же увертки, что, съ авторомъ „Артабана“,—только въ разсказѣ Лобанова исчезла та рельефность подробностей, которая такъ удач-

[1]) „Дневникъ чиновника“, подъ 3-мъ января 1807 г.—*Отеч. Записки* 1855 г., т. С, стр. 161.

но сохранена въ „Дневникѣ чиновника“. Возможно впрочемъ и то, что къ скромному канцеляристу Крылову знаменитый актеръ отнесся нѣсколько строже, чѣмъ къ барскому сынку Жихареву. Какъ бы то ни было, авторъ „Клеопатры“ понялъ изъ словъ своего критика, что его трагедія никуда не годится, и рѣшился уничтожить ее. Однако и послѣ неудачи, постигшей „Клеопатру“ въ 1785 году, онъ не хотѣлъ отказаться отъ мысли сочинять трагедіи: въ 1786 году онъ принялся за „Филомелу“. По догадкѣ Плетнева, и этотъ второй трагическій опытъ Крылова былъ осужденъ Дмитревскимъ на забвеніе: на сцену „Филомела“ не попала, и лишь въ 1793 году Крылову удалось напечатать ее въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ“ (часть XXXIV). Впрочемъ, появленіе въ печати ничуть не свидѣтельствуетъ о достоинствахъ второй трагедіи Крылова; по справедливому замѣчанію Н. А. Лавровскаго, „въ Филомелѣ“.... почти вовсе нѣтъ дѣйствія. „Открылось все“, восклицаетъ Линсей въ началѣ втораго акта, узнавъ о преступной любви ѳракійскаго царя Терея къ своей свояченицѣ и его невѣстѣ Филомелѣ,—и этими словами оканчивается дѣйствіе. Все остальное, четыре-пятыхъ трагедіи, наполнено плачемъ и стономъ, выраженіемъ дикой ярости, мщенія и отчаянія, не имѣющими ни малѣйшаго значенія для общаго развитія интриги“[1]).

Крыловъ очень дорожилъ пріязнью Дмитревскаго, съ которымъ близко сошелся, не смотря на разницу лѣтъ. Строгіе приговоры опытнаго актера не поссорили съ нимъ молодаго человѣка, а лишь убѣдили въ томъ, что ему не дано трагическаго таланта. Но страсть его къ театру такъ была велика, что и послѣ первыхъ неудачъ ему не хотѣлось отказаться отъ мысли писать для сцены: отъ трагическаго рода онъ рѣшился перейдти къ комическому.

Въ томъ же году, что „Филомела“, Крыловымъ были написаны опера „Бѣшеная семья“ и комедія „Сочинитель въ прихожей“. Казалось бы, въ комической сферѣ его врожденное дарованіе должно было обнаружиться скорѣе. Однако, вышло на дѣлѣ не то: обѣ названныя піесы не лучше его трагедій; въ нихъ нѣтъ ни занимательности интриги, ни сколько-нибудь мѣтко очерченныхъ характеровъ. Въ „Кофейницѣ“ проявлялась по крайней мѣрѣ извѣстная наблюдательность, видна была опредѣленность

---

[1]) О Крыловѣ и его литературной дѣятельности — въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1868 г., стр. 424, 425.

мысли, согрѣтой притомъ теплымъ чувствомъ; въ новыхъ піесахъ онѣ замѣняются нескладною каррикатурой дѣйствительности, лишенною всякой сатирической соли, и какою-то сухостью отношенія автора къ выводимымъ имъ лицамъ. Плетневъ справедливо удивляется появленію такихъ піесъ послѣ того, какъ напечатанъ былъ „Недоросль“ фонъ-Визина. „Ужели“, спрашиваетъ онъ,—„чтеніе этой комедіи не открыло глазъ Крылову на искусство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?“ Предположеніе это оправдывается исторіей русской комедіи вплоть до самаго „Горя отъ ума“. Съ своей стороны Крыловъ не научился ничему изъ „Недоросля“, ни изъ знакомства съ Мольеромъ. Онъ предпочиталъ примѣняться къ господствующему вкусу публики, который удовлетворялся плохими передѣлками французскихъ комическихъ оперъ на русскіе нравы. Но эти оперы отличались въ подлинникѣ по крайней мѣрѣ красивою легкостью и игривостью содержанія, между тѣмъ какъ подъ перомъ русскихъ подражателей улетучивались и эти достоинства. Въ обѣихъ названныхъ піесахъ Крылова нѣтъ и тѣни истиннаго комизма, ни даже простой водевильной веселости. Что же касается грубаго и пошлаго тона, въ которомъ онѣ написаны, онъ не можетъ быть объясненъ ничѣмъ инымъ, какъ низменнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ той мелкой приказной среды, гдѣ протекала обыденная жизнь автора. При всемъ своемъ умѣ Крыловъ еще не могъ возвыситься надъ нею въ своихъ произведеніяхъ; оттого не удавалось ему ни сатирическое обличеніе, ни вѣрное, объективное воззданіе дѣйствительности. Не могли помочь ему въ данномъ случаѣ и совѣты Дмитревскаго: это былъ актеръ умный, но напыщенный и холодный на сценѣ; въ его игрѣ не было естественности, какъ въ художественныхъ понятіяхъ его не было и мысли о правдѣ въ искусствѣ.

Не извѣстно, впрочемъ, отдавалъ ли Крыловъ „Бѣшеную семью“ и „Сочинителя въ прихожей“ на просмотръ Дмитревскому; но онъ рѣшился на шагъ болѣе смѣлый—представить ихъ на судъ публики. Съ 1783 года петербургскими театрами вѣдалъ особый комитетъ, между членами котораго распредѣлено было управленіе отдѣльными труппами; во главѣ русской труппы стоялъ генералъ-маіоръ Петръ Александровичъ Соймоновъ, служившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кабинетѣ императрицы, способный и умный человѣкъ, получившій образованіе

въ Московскомъ университетѣ [1]). Къ нему-то и обратился Крыловъ съ своими новыми піесами. Соймоновъ принялъ ихъ благосклонно и поручилъ камеръ-музыканту Деви написать музыку къ „Бѣшеной семьѣ“. Такимъ образомъ, Крыловъ былъ обнадеженъ, что піесы его пойдутъ на сценѣ. Вниманіе Соймонова простерлось до того, что молодому драматургу былъ выданъ даровой билетъ для постояннаго входа въ театръ и предложено перевести съ французскаго оперу „L'Infante de Zamora“; опера эта была играна, но не имѣла успѣха [2]).

Между тѣмъ, въ театральномъ управленіи произошла большая перемѣна: коллегіальная власть комитета была уничтожена, и всѣ части этого вѣдомства сосредоточены въ рукахъ одного директора, генералъ-маіора Ст. Ѳ. Стрекалова. Случилось это въ томъ же 1786 году, когда Крыловъ вошелъ въ сношенія съ театральною дирекціей, а въ слѣдующемъ былъ упраздненъ и самый комитетъ послѣ того, какъ онъ ликвидировалъ дѣла по сильно запутанному имъ театральному хозяйству. При такой перемѣнѣ, сочиненныя Крыловымъ піесы остались не играннымп. Но Соймоновъ, хотя и устраненный теперь отъ вліянія на театральныя дѣла, продолжалъ покровительствовать молодому автору. Очевидно, не безъ его участія состоялась перемѣна и въ служебномъ положеніи Крылова: изъ казенной палаты онъ перешелъ на службу въ кабинетъ ея величества, подъ непосредственное начальство Петра Александровича [3]). Отношенія между ними были въ это время на столько

---

[1]) Изложенныя ниже свѣдѣнія объ управленіи театрами извлечены изъ „Лѣтописи русскаго театра“ *П. Н. Арапова*, и изъ статьи *М. Н. Лонгинова* въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 г. — Объ образованіи П. А. Соймонова, см. въ Исторіи Московскаго университета, *С. П. Шевырева*, стр. 58, и въ *Моск. Вѣдомостяхъ* 1758 г., прибавл. къ №№ 38 и 101. П. А. Соймоновъ былъ отцомъ извѣстной Софіи Петровны Сѣчиной, о которой см. сочиненіе: Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, par le comte de *Falloux*.

[2]) Переводъ этотъ никогда не былъ изданъ; подлинникъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: L'infante de Zamora. Comédie en quatre actes, mêlée d'ariettes parodiées sur la musique del Sig-r Paisiello. A Paris. MDCCLXXXI.

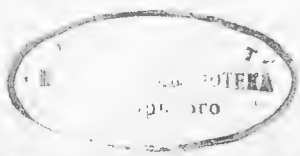
[3]) Судя по аттестату, выданному Крылову изъ монетнаго департамента, опредѣленіе его въ кабинетъ относится къ 1788 г. Но изъ казенной палаты онъ вышелъ еще въ концѣ 1786 г. Имѣя въ виду неточность датъ аттестата, можно думать, что и показаніе его относительно 1788 года должно быть исправлено на 1787 г. (ср. *Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи, т. VI, стр. 296 и 348 втораго счета).

хороши, что когда Крыловъ написалъ новую комедію „Проказники“, то поспѣшилъ представить ее Соймонову, прося позволенія напечатать, и разрѣшеніе было дано безпрекословно: если „Проказники“ не появились въ печати тогда же, то безъ сомнѣнія, потому, что у Крылова не было средствъ исполнить свое намѣреніе.

Сочиненіе „Проказниковъ“ относится къ 1787 или 1788 году. Подобно „Бѣшеной семьѣ“ и „Сочинителю въ прихожей“, комедія эта принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній Крылова. Въ ней та же неестественность интриги, та же каррикатурность въ изображеніи дѣйствительности, то же господство грубаго и пошлаго тона, которыя такъ непріятно поражаютъ въ двухъ предшествовавшихъ піесахъ. Но при всемъ томъ, сравнительно съ ними, въ новой комедіи Крылова замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ его медленно развивающагося дарованія: какъ ни уродливы выведенныя имъ лица, характеры ихъ очерчены не безъ рельефности. Успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что главные характеры комедіи списаны съ живыхъ лицъ, тогда какъ неестественная завязка піесы составляетъ неудачный вымыселъ автора. Наша старинная комедія нерѣдко списывала свои изображенія, какъ говорилось тогда, „съ подлинниковъ“; но указанія на эти подлинники по большей части утрачены; относительно же „Проказниковъ“ извѣстно въ точности, кого именно хотѣлъ Крыловъ выставить тутъ на сцену. Еще Лобановъ сдѣлалъ намекъ на это обстоятельство, а позже записки С. Н. Глинки и М. А. Дмитріева и воспоминанія Н. И. Греча раскрыли самыя имена [1]). Въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ комедіи — Рифмокрадѣ и его женѣ Тараторѣ — Крыловъ изобразилъ извѣстнаго драматическаго писателя Якова Борисовича Княжнина и его жену Екатерину Александровну, дочь трагика Сумарокова. Рифмокрадъ—бездарный стихотворецъ, который воображаетъ себя великимъ писателемъ, потому что сочиняетъ трагедіи, безцеремонно наполняя ихъ заимствованіями изъ Корнеля, Расина и другихъ французскихъ трагиковъ. Онъ подъ башмакомъ своей жены, которая, впрочемъ, очень высокаго мнѣнія о его талантѣ. Таратора—женщина уже не молодая, но еще желаетъ прельщать всѣхъ своею красотою;

[1]) Изъ записокъ Сергѣя Николаевича Глинки (отъ 1775 до 1800 г.)— въ *Русск. Вѣстникѣ* 1866 г., № 2, стр. 269; Мелочи изъ запаса моей памяти, *М. А. Дмитріева*. М., 1869, стр. 243; Газетныя замѣтки *Эрміона* (Греча) въ *Сѣв. Пчелѣ* 1857 г., № 147.

4421



она тоже пишетъ стихи, самолюбива пуще мужа, но, въ противоположность ему, отличается вздорнымъ, капризнымъ характеромъ. Крыловъ не пожалѣлъ самыхъ яркихъ красокъ, чтобы выставить эту чету въ смѣшномъ видѣ, и хотя его изображеніе очень грубо, но оно, по видимому, довольно вѣрно воспроизводитъ нѣкоторыя черты характера супруговъ Княжниныхъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка авторъ „Дидоны“ и „Титова милосердія“ находился на верху своей славы; успѣхъ постоянно сопровождалъ исполненіе его піесъ на сценѣ, и понятно, восхваляемый писатель могъ цѣнить ихъ гораздо выше ихъ настоящаго достоинства, а его жена, унаслѣдовавшая самомнѣніе и задорный нравъ своего отца,—увлекаться успѣхами мужа. Между тѣмъ, дарованіе Княжнина вовсе не отличалось самобытностью; для своихъ піесъ, выдаваемыхъ за оригинальныя, онъ постоянно пробавлялся заимствованіемъ не только отдѣльныхъ сценъ, но цѣлыхъ сюжетовъ и главныхъ характеровъ у французскихъ и италіанскихъ драматурговъ; такая пожива на чужой счетъ не ускользала отъ вниманія любителей литературы, и про Княжнина говорили, что онъ „довелъ подражаніе иностраннымъ авторамъ до неправеднаго присвоенія чужой собственности“ [1]). Въ супружескомъ самопоклоненіи четы Княжниныхъ была, очевидно, комическая сторона, и Крылову удалось отчасти уловить ее. Но этимъ и ограничиваются достоинства его комедіи. По свидѣтельству Греча, два второстепенныя лица ея также списаны съ натуры: педантъ Тянисловъ—съ нелѣпаго стихотворца П. М. Карабанова [2]), а врачъ Ланцетинъ — съ И. И. Віена, театральнаго

[1]) Это выраженіе употреблено въ критической статьѣ *Вѣстника Европы* 1824 г. (ч. 139, стр. 105) объ „Anthologie russe“ par *Dupré de Saint-Maure*; но раньше того о безчисленныхъ заимствованіяхъ Княжнина говорилъ Мерзляковъ, да замѣчали ихъ и прямые современники русскаго драматурга, знавшіе иностранную литературу: въ „Драматическомъ словарѣ“ 1787 г. „Дидона“ и „Титово милосердіе“ уже названы подражаніями Метастазію, между тѣмъ какъ это не было оговорено самимъ Княжнинымъ при ихъ изданіи.

[2]) На его переводъ Вольтеровой „Альзиры“, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1786 г., Крыловъ написалъ слѣдующую эпиграмму (*Русск. Архивъ* 1863 г., 2-е изд., стр. 163):

Какъ Карабановъ взялъ „Альзиру“ перевесть,
И въ адѣ слухъ о томъ промчался,
Тогда Вольтеръ, вздохнувъ, признался,
Что точно грѣшникамъ по смерти мука есть.

доктора и переводчика комическихъ оперъ для сцены [1]); но это фигуры уже совершенно каррикатурныя и въ то же время вовсе не смѣшныя, обличающія лишь полное литературное неумѣнье Крылова.

Вообще, сочиненіе „Проказниковъ“ заслуживаетъ вниманія не какъ шагъ въ развитіи таланта Крылова, а какъ черта его біографіи, какъ проявленіе его нравственной личности. По свидѣтельству Лобанова, „онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Многія басни получили начало въ этомъ источникѣ. Вся комедія „Проказники“ есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ впослѣдствіи признавался и раскаявался“. Гречъ разсказываетъ даже цѣлый анекдотъ по этому поводу. „Крыловъ“, говоритъ онъ,—„былъ вхожъ въ домѣ одного драматическаго писателя, человѣка съ умомъ и дарованіемъ, но подвергавшагося упрекамъ въ заимствованіи многаго изъ піесъ французскаго театра. Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другаго знаменитаго трагика, не взлюбила за что-то Крылова, юношу тихаго, кроткаго и, какъ сказывали сверстники его, *худощаваго* и застѣнчиваго. Для усовершенствованія своего во французскомъ языкѣ и для изученія италіанскаго онъ переводилъ оперы. „Что вы получили?“ спросила однажды эта барыня у Крылова,—„за ваши переводы?“ „Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ“. „А сколько разъ вы пользовались этимъ правомъ?“ „Да разъ пять!“ „Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!“ Крыловъ оскорбился этимъ отзывомъ, не отвѣчалъ, но рѣшился отомстить и написалъ комедію „Проказники“, въ которой выставилъ мужа ея, назвавъ его Рифмокрадомъ, а ее вывелъ подъ именемъ Тараторы. Разумѣется, на ихъ счетъ наплетено было много вздору“.

Разсказъ этотъ, какъ всѣ преданія, вертится около истины, но передаетъ ее не вполнѣ точно. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Крылова [2]) о томъ, что онъ не былъ лично знакомъ съ

---

[1]) О переводахъ его см. въ статьѣ кн. *А. А. Шаховскаго*: Лѣтопись русскаго театра, эпоха вторая—въ *Репертуарѣ русск. театра* 1840 года, т. II, стр. 9.

[2]) Въ письмѣ его къ Княжнину, приводимомъ ниже. Показаніе это очень важно и опровергаетъ разсказы Лобанова, Плетнева и Глинки о томъ, что Крыловъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, познакомился съ Княжнинымъ прежде, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ писателей. Только с-жа Карлгофъ не упоминаетъ объ этомъ мнимомъ знакомствѣ.

Княжнинымъ и, слѣдовательно, не былъ вхожъ въ его домъ; если молодому автору пришлось встрѣтиться съ Екатериной Александровной и получить отъ нея оскорбленіе, то случилось это гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но, съ другой стороны, достовѣрно въ разсказѣ Греча то, что Крыловъ пользовался даровымъ входомъ въ театръ: объ этомъ сохранилось также его собственное свидѣтельство [1]). Итакъ, изъ анекдота, сообщеннаго Гречемъ, можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: люди съ именемъ и вѣсомъ, Княжнины — мужъ или, вѣроятнѣе, жена—задѣли самолюбіе маленькаго человѣка, начинающаго писателя Крылова, и онъ не задумался отплатить имъ, предавъ ихъ публичному осмѣянію.

Негодованіе Крылова было, очевидно, очень сильно, если онъ могъ рѣшиться на поступокъ болѣе чѣмъ смѣлый, почти дерзкій. Но дерзость его отместки объясняется свойствомъ нанесенной ему обиды: оскорблено въ немъ было именно то, что составляло самую свѣтлую сторону его существованія, его безкорыстное стремленіе посвятить себя литературѣ. Въ ближайшей средѣ, въ которой онъ жилъ, онъ, конечно, не могъ найдти сочувствія своему влеченію къ этимъ занятіямъ; какъ были слабы его литературные опыты—онъ, очевидно, еще не понималъ: „Въ молодости моей“, говорилъ онъ впослѣдствіи Лобанову,—„я все писалъ, что ни попало, была бы только бумага да чернила“. Но ему не могли не быть дороги эти плоды его умственнаго труда, которые давали ему право считать себя выше своей братьи-приказныхъ и внушали надежду стать со временемъ, можетъ быть, на ряду съ извѣстными людьми, прославленными писателями: смутное чувство авторскаго призванія уже пробуждалось въ его душѣ. А между тѣмъ всѣ его старанія вывести свои произведенія на судъ публики оставались до сихъ поръ безуспѣшными: ни одна изъ его піесъ не была еще напечатана, а на сценѣ появилась только одна переводная опера, да и та упала при первомъ же представленіи. Онъ сумѣлъ примириться со строгою критикой Дмитревскаго, онъ покорялся его авторитету, потому что видѣлъ пользу въ совѣтахъ умнаго актера; но когда до молодаго писателя дошли насмѣшки надъ его сочиненіями со стороны людей, не знавшихъ его лично и незнакомыхъ съ тѣмъ, что было имъ написано, — самолюбіе

---

[1]) Въ приведенномъ ниже письмѣ Крылова къ П. А. Соймонову.

его не выдержало: онъ рѣшился воздать насмѣшникамъ ихъ же монетою.

Комедія, направленная противъ супруговъ Княжниныхъ, еще не получила огласки, а вѣстовщики уже сообщили о ней осмѣянному драматургу. Онъ написалъ Дмитревскому письмо съ выраженіемъ своего негодованія какъ противъ автора комедіи, такъ и противъ знаменитаго актера, котораго самого подозрѣвалъ въ сообщничествѣ съ Крыловымъ. Старый хитрецъ не любилъ ни съ кѣмъ вступать въ открытую ссору; хотя въ то время онъ уже оставилъ сцену, но входить въ разладъ съ писателемъ, который доставилъ ему блестящіе успѣхи въ своихъ трагедіяхъ, было совершенно не согласно съ его обычаемъ; Дмитревскій нашелся и въ настоящемъ затрудненіи: сообщилъ сочинителю „Проказниковъ“ письмо Княжнина и такимъ образомъ предоставилъ обидчику вѣдаться съ обиженнымъ по собственному усмотрѣнію. Крыловъ, въ которомъ еще не улеглось раздраженіе противъ Княжниныхъ, рѣшился самъ вступить въ переписку съ Яковомъ Борисовичемъ. Письмо его исполнено ядовитаго остроумія: онъ старается въ немъ снять съ себя упрекъ въ сочиненіи личной сатиры, но только для виду; излагая свои оправданія и искусно поддерживая свое достоинство, онъ осыпаетъ Княжнина градомъ новыхъ насмѣшекъ, направленныхъ противъ него еще прямѣе, чѣмъ насмѣшки комедіи. Вотъ это письмо:

Милостивый государь Яковъ Борисовичъ!

Къ немалому моему огорченію услышалъ я отъ Ивана Аѳанасьевича г. Дмитревскаго, что вы укоряете меня въ сочиненіи на васъ комедіи, а его въ согласіи о семъ со мною, и будто я самъ сказывалъ, что онъ сію комедію переправлялъ, въ чемъ—пишете вы—и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедію, которую я пишу на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенныхъ людей, описываемыхъ мною, и не нахожу самъ никакого сходства между ею и вашимъ семействомъ. Я бы во оправданіе свое сказалъ, что я никакихъ не имѣю причинъ на васъ негодовать и описывать довольно уже извѣстный вашъ домъ; но вы, можетъ быть, сыщете на то возраженіе; итакъ, чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрѣнія, я въ малыхъ строкахъ желаю вамъ подать нѣкоторое понятіе о моей комедіи.

Она состоитъ изъ главныхъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ:

мужа, жены, дочери и ея любовника. Въ мужѣ вывожу я зараженнаго собою парнасскаго шалуна, который, выкрадывая лоскутіи изъ французскихъ и изъ италіанскихъ авторовъ, выдаетъ за свои сочиненіи и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищаетъ дураковъ и обижаетъ честныхъ людей. Признаюсь, что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо; и если вы за то сердитесь, то я съ христіанскимъ чистосердечіемъ прошу у васъ прощенья. Въ женѣ показываю развращенную кокетку, украшающую голову мужа своего извѣстнымъ вамъ головнымъ убором, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегаетъ и физическихъ дарованій въ прочихъ мужчинахъ. Дѣйствующее лицо ихъ дочери и ея жениха есть любовники, которымъ старался я дать благородныя чувства. Вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ. Прочія жь лица эпизодическія и не стоятъ того, чтобы объ нихъ упоминать. По симъ характерамъ расположилъ я весьма обыкновенныя любовныя интриги, которыя развязываются свадьбою любовниковъ, чѣмъ и вся комедія кончится.

Вотъ все, государь мой, на чемъ можете вы основывать свои подозрѣніи. Я надѣюсь, что вы, слича сіи характеры съ вашимъ домомъ, хотя мысленно оправдаете мою комедію и перестанете своими подозрѣніями обижать человѣка, который не имѣетъ чести быть вамъ знакомымъ. Обижая меня, вы обижаете себя, находя въ своемъ домѣ подлинники толико гнусныхъ портретовъ. Я бы во угожденіе вамъ уничтожилъ комедію свою и принялся за другую; но границы, полагаемыя вами писателямъ, толь тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить.

Но чтобы доказать вамъ, государь мой, колико я послушливъ, вы можете выписать изъ сихъ характеровъ всѣ тѣ гнусные пороки, которыя вамъ или вашей супругѣ кажутся личностію, и дать знать мнѣ, а я съ превеличайшимъ удовольствіемъ постараюся ихъ умягчить, если интересъ комедіи не позволитъ совсѣмъ уничтожить.

Я не знаю, какихъ слѣдствій ожидали вы, говоря на меня, будто я сказывалъ, что Иванъ Аѳанасьевичъ переправлялъ сію комедію и переправлялъ неудачно. Повѣрьте, государь мой, что еслибъ онъ ее переправлялъ, то конечно бъ, она была

ближе къ природѣ, и хотя онъ всѣмъ моимъ сочиненіямъ дѣлаетъ честь, ихъ переправляя, но я увѣряю васъ, что я столько же ему обязанъ сею комедіею, сколько и вамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть того, по вашимъ словамъ, честнаго человѣка, который имѣлъ твердость духа сказать, чего отъ меня не слыхалъ; когда жь вы намѣрены сердиться на всѣхъ тѣхъ, которые только что читали или будутъ читать мою комедію, такъ я жалѣю, что она, можетъ быть, поссоритъ васъ со многими.

Я удивляюся, государь мой, что съ достоинствами, какія въ васъ—говорятъ—есть, вы боитесь комедіи, и не знаю что̀ изъ того заключить. Вамъ извѣстно, я думаю, что предметъ комедіи есть осмѣивать пороки, а не достоинствы, и для того одни порочные должны ея страшиться и ненавидѣть; а вы на меня сердитесь. Повѣрьте, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски, но обидѣли тѣ, кои сказали, что это картина вашего дома. Вы, можетъ быть, оправдаете меня сами, когда увидите мою комедію, и читая въ ней критику на пороки, не будете мнѣ говорить: „за что̀ ты бранишься?“ или и я вамъ буду почти то же отвѣчать, что̀ Бригадиръ Совѣтнику [1]).

Я слышалъ также, государь мой, что вы, еще не читавъ ни строчки моей комедіи, уже меня браните; но я надѣюся, что вы не выйдете изъ благопристойности, сродной здравому разсудку, и не будете употреблять противъ меня брань, это гнусное орудіе пьяныхъ ямщиковъ и солдатскаго сословія. Впрочемъ напоминаю вамъ, что я благородный человѣкъ, хотя и не былъ столь много разъ жалованъ чинами, какъ вы, милостивый государь. Вашъ покорный слуга Иванъ Крыловъ.

Не извѣстно, было ли это письмо отправлено по назначенію, и если было, то какъ отвѣчалъ на него Княжнинъ. Но вѣрно то, что оно распространилось въ обществѣ въ копіяхъ, о чемъ, можетъ быть, позаботился самъ Крыловъ: рукописная полемика существовала у насъ издавна, въ дополненіе къ печатной. Крыловъ повелъ опасную игру: онъ возстановилъ

[1]) Намекъ на слѣдующую сцену въ комедіи фонъ-Визина (дѣйствіе IV, явл. VII):

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ.... Я говорю, что эдакаго скота не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельстится моею женою.

противъ себя извѣстнаго человѣка, который могъ повредить ему тамъ именно, гдѣ молодой писатель въ особенности искалъ себѣ помощи и покровительства: у театральнаго начальства.

Ссора между Крыловымъ и Княжнинымъ относится, по всей вѣроятности, къ 1788 году, а въ мартѣ слѣдующаго П. А. Соймоновъ вновь вступилъ въ управленіе театрами, вмѣстѣ съ А. В. Храповицкимъ [1]); но теперь прежній покровитель Крылова сталъ относиться къ нему уже не такъ, какъ за три года предъ симъ. Когда Крыловъ обратился къ нему съ просьбой поставить наконецъ на сцену его прежнія піесы и затѣмъ предложилъ къ постановкѣ свое новое произведеніе— оперу „Американцы“, то встрѣтилъ со стороны Петра Александровича явное нерасположеніе исполнить его просьбы; а когда молодой писатель напомнилъ ему о „Проказникахъ“ и заговорилъ о принятіи ихъ на театръ, то Соймоновъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ не допуститъ на сценѣ сатиры на лица. Мало того: Крылову стали дѣлать затрудненія относительно свободнаго входа въ театръ. Въ такомъ отношеніи со стороны не только главнаго начальства, но и второстепенныхъ чиновниковъ театральнаго вѣдомства, Крыловъ увидѣлъ тяжелое оскорбленіе для своей личности. Въ порывѣ вспыльчивости, онъ рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу и написалъ Соймонову письмо такого содержанія:

Ваше превосходительство, милостивый государь!

И послѣдній подлецъ, каковъ только можетъ быть, ваше превосходительство, огорчился бы поступками, которые сношу я отъ театра. Итакъ, простите мнѣ, что я, имѣя благородную душу, осмѣливаюсь покорнѣйше просить, чтобъ удостоили открыть мнѣ причину, которая привлекаетъ на меня вашъ гнѣвъ, толико бѣдственный для моихъ драматическихъ сочиненій.

Въ 1786 году я написалъ оперу „Бѣшеная семья“, которую, по приказанію вашему, г. Деви, камеръ-музыкантъ, положилъ на музыку; въ томъ же году отдалъ я на театръ комедію „Сочинителя въ прихожей“, и въ томъ же году ваше превосходительство препоручили мнѣ перевесть съ французскаго языка оперу, подъ названіемъ „L'Infante de Zamora“, которая имѣла счастіе понравиться вашему превосходительству. Сія опера упала на французскомъ театрѣ и, слѣдствен-

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, по изданію *Н. П. Барсукова*, стр. 258.

но, также и на русскомъ; ибо добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а драма, въ которой нѣтъ толку, и парадизъ зѣвать заставляетъ.

Ваше превосходительство удостоили своего вниманія мое перо; я получилъ билетъ для входу въ театръ и лестное обѣщаніе, коимъ милостиво ободряете вы многихъ авторовъ, что не останутся безъ награжденія труды для театра. Почитая непремѣнными слова вашего превосходительства, продолжалъ я мои труды; но нынѣ, видя совсѣмъ тому противное и заключая, что перемѣнѣ вашихъ словъ, конечно, причиною какіе-нибудь глупые и злые клеветники,—пбо я не осмѣливаюсь подумать, чтобы ваше превосходительство сами перемѣнили свое слово, и не осмѣливаюся также назвать умными клеветниковъ, которые могли очернить меня въ мысляхъ вашего превосходительства, когда я съ своей стороны не подалъ къ тому никакой причины,—заключая сіе, говорю я, осмѣливаюсь вамъ объяснить мою невинность передъ вами и притѣсненіе, какое наносится мнѣ отъ театру.

Я не могу понять причины, ваше превосходительство, которая и до нынѣ не допускаетъ на театръ мою оперу „Бѣшеную семью“, когда уже, по повелѣнію вашему, болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ на нее положена музыка; я бы могъ признать, что она не представляется для того, что негодна быть на театрѣ; но хотя я и авторъ сей оперы, однакожь не осмѣлюсь быть объ ней толь дурныхъ мыслей единственно для того, чтобъ симъ не опорочить выборъ, разумъ и вкусъ вашего превосходительства и чтобы такимъ мнѣніемъ не заставить другихъ думать, что вкусу вашему пріятны бываютъ негодныя сочиненія. Увы! для сей же самой причины, ваше превосходительство, старался я защищать совершенство оперы „Инфанты“; но, по несчастію, ни одинъ умный человѣкъ мнѣ не вѣритъ, и даже мелкіе знатоки бранятъ содержаніе сей оперы, а я, какъ переводчикъ, по истинѣ только терплю въ чужомъ пиру похмѣлье. Простите мнѣ, милостивый государь, что я, какъ Санхо-Пансо, вмѣшиваю пословицы; причиною тому, что у меня на умѣ глупый Донъ-Кишотъ, ваше превосходительство, который, думаю, одинъ могъ своимъ дурачествомъ уронить „Инфанту“. Если же моя опера годна, что позвольте мнѣ думать, уважая вашъ выборъ и доброе мнѣніе, то для меня странно, что она остается безъ дѣйствія, между

тѣмъ какъ на театрѣ даются „Двѣ невѣсты“ и „Дезертеръ“ [1]), которыя имѣютъ только то счастіе, что одобрены вашимъ превосходительствомъ, и которыя, какъ я слышу, публика бранитъ и, признаться, имѣетъ справедливыя причины такъ, какъ и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ піесъ, во время представленія коихъ многіе зрители просыпаются только отъ музыки въ антрактахъ; но оныхъ именъ не упомяну, не желая раздражить авторовъ и убѣгая опорочивать тонкій вкусъ вашего превосходительства; впрочемъ, если угодно будетъ вамъ потребовать объясненія и о спхъ сочиненіяхъ, то я съ моею преданностью не премину донести и о нихъ мои замѣчанія. Итакъ, когда играются на театрѣ многія наводящія скуку творенія, то неужели не достаетъ времени сыграть мою бѣдную оперу, и неужели, ваше превосходительство, сія опера — самая негодная изъ всего вашего выбору? Ахъ! она только несчастлива; ибо я на васъ пошлюсь, что есть множество другихъ, которыя несравненно ея хуже, которыя осчастливлены только благоволеніемъ вашимъ, и въ которыхъ со всѣмъ уваженіемъ, какое имѣю я къ тонкому вкусу вашего превосходительства, не могу я преодолѣть своей зѣвоты.

Не смотря однакожь на недѣйствительность моей оперы, рѣшился я отдать на театръ другую оперу моего сочиненія подъ названіемъ: „Американцы“, на которую уже и музыка положена г. Θомпнымъ, одобреннымъ въ своемъ искусствѣ отъ Болонской академіи атестатомъ, дѣлающимъ честь его знанію и вкусу; что жь до моихъ рѣчей, то онѣ одобрены г. Дмитревскимъ, котораго одобреніе, по его познаніямъ, для меня не менѣе важно, какъ и академическій атестатъ, ибо опытомъ извѣстно, что его вкусъ всегда согласенъ со вкусомъ просвѣщенной публики, а въ томъ не можетъ никакой академикъ отпереться, чтобы онъ не былъ сей просвѣщенной публики членомъ [2]).

---

[1]) Обѣ эти піесы не были напечатаны въ русскомъ переводѣ. Французскаго подлинника первой мы также не знаемъ; что же касается второй, это Le Deserteur, drame en trois actes, en prose, meslée de musique, par m. *Sedaine*. A Paris MDCCLXXI. Нелѣпое содержаніе „Двухъ невѣстъ“ разсказано Крыловымъ въ 44-мъ письмѣ *Почты духовъ* 1789 г., о чемъ см. ниже.

[2]) Опера „Американцы“ не помѣщена въ сочиненіяхъ Крылова, и полный текстъ ея, имъ сочиненный, не извѣстенъ. Но въ 1800 г. издана была въ Петербургѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, комическая опера безъ имени автора. Предисловіе къ этой книжкѣ подписано Ал. Ив. Клушинымъ, пріятелемъ Крылова, и въ немъ сказано слѣдующее:

Итакъ, отъ г. Дмитревскаго имѣлъ честь принести я на судъ мою оперу къ вашему превосходительству; она не имѣла счастіе вамъ понравиться, и я услышалъ съ горестію ваше мнѣніе, что сія опера есть изъ числа твореній, не имѣющихъ ни содержанія, ни связи. Такой приговоръ имѣлъ бы причину ужаснуть меня, если бы не надѣялся я на счастіе, что вы изъ благосклонности къ публикѣ благоволите со временемъ оставить толико невыгодныя для моей оперы мнѣнія, подобно какъ вы изъ неблагосклонности къ ней же оставили хорошее мнѣніе о нѣкоторыхъ твореніяхъ, которыя существуютъ на театрѣ по выбору вашего превосходительства; но я отважился бы выслушать приговоръ просвѣщенной публики, которой одной авторъ оставляетъ назначать истинную цѣну сочиненій. Я выбралъ театръ своимъ судилищемъ, публику—судіею, а ваше превосходительство осмѣлился просить, чтобы соблаговолили только

„Г. Крыловъ, извѣстный публикѣ своими сочиненіями, сдѣлалъ основаніе оперы „Американцы“. Молодость, живость воображенія и, смѣю сказать, нѣкоторая небрежность въ слогѣ и въ характерахъ были повсюду примѣтны. Опера принята на театръ, учена и—не была играна въ теченіе 12 лѣтъ. Ежели не хороша, не надобно было принимать на сцену; ежели слаба, нужно исправить. Но чтобы такъ судить, надобно любить національный театръ.

„Между тѣмъ меценатъ дарованій и директоръ театра, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, желалъ дать публикѣ новую русскую оперу Исполняя волю моего начальника, котораго благоволенія ко мнѣ врѣзаны въ грудь мою, я хотѣлъ поправить „Американцевъ“, и вылилось, что, кромѣ стиховъ, въ ней не осталось ни одной строки, принадлежащей перу г. Крылова.

„Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы показать, какова уваженія достойна проза моя. Знатоки будутъ цѣнить ее. Сужденіе совѣтниковъ Дурындиныхъ мнѣ не нужно. Но говорю для того, чтобы то, что покажется слабымъ и не выработаннымъ въ прозѣ, не было отнесено на счетъ г. Крылова.

„Успѣхъ піесы зависитъ отъ публики. Хорошее не теряетъ своей цѣны отъ минутнова сужденія, такъ какъ дурное не будетъ хорошимъ отъ тово, что часто сочинители и переводчики сами себѣ оплодируютъ.

„Многіе пишутъ для рускова театра. Я сохраняю всякое уваженіе къ ихъ дарованіямъ, но не хотѣлъ бы принять на счетъ моево пера нѣкоторыхъ сочиненій и—ни одново перевода“.

Такимъ образомъ, стихи въ „Американцахъ“ 1800 г., то-есть, нѣсколько арій, дуэтовъ и т. д., должны быть признаны сочиненіемъ И. А. Крылова.

„Американцы“ въ передѣлкѣ Клушина представлены были на сценѣ въ сезонъ 1799—1800 гг., а въ ноябрѣ 1800 г. Клушинъ, состоявшій тогда цензоромъ россійской труппы, получилъ отъ театральной дирекціи „за принятыя отъ него на театръ сочиненія и переводы: „Разсудительный дуракъ“, „Худо быть близорукимъ“, „Услужливый“ и „Американцы“ и за поправку и приведеніе въ порядокъ многихъ драматическихъ сочиненій“ вознагражденіе въ размѣрѣ 800 р. (Изъ архива театральной дирекціи сообщено А. Е. Молчановымъ).

выставить на судъ мое твореніе; но и въ семъ нашелъ неожидаемыя препятства.

Ваше превосходительство издали приговоръ, что мою оперу не можно представить, доколѣ не будетъ въ ней выкинуто, что двухъ европейцевъ хотятъ принесть на жертву, и что это револьтируетъ, какъ вы изволили сказать, слушателей. Вопервыхъ, что, сочиняя сію оперу, я имѣлъ намѣреніе забавлять трогая сердца, и въ семъ-то состоитъ должность автора, ибо вывесть на театръ шута не есть еще сдѣлать драму.

Смѣшить безразсудно—даръ подлыя души.

И я думалъ, что вашему превосходительству для театра угодна опера, гдѣ можно и смѣяться, и чувствовать,—я же писалъ не комическую, но героическую оперу: образъ писанія, который и въ драмахъ, и въ музыкальныхъ твореніяхъ отъ публики принимается, чему свидѣтельствуетъ опера „Французскій Дезертеръ“ и многія другія драмы Мольера, Мерсьера и Бомарше. Но что до сего основаннаго на правилахъ театра дѣйствія, когда хотятъ американцы сжечь пойманнаго мужика, то оно не совершенно трагическое, но сдѣланное для умноженія страха комическому лицу, которое выдумываетъ разныя смѣшныя средства, чтобъ себя избавить, и котораго съ его бариномъ, по просьбѣ своей любовницы, сами американцы отпускаютъ. Если это— трагическое дѣйствіе, то и то—не менѣе трагическое, когда въ „Скапиновыхъ обманахъ“ баринъ хочетъ заколоть слугу въ своемъ гнѣвѣ; ибо, разбирая подробно, зарѣзать человѣка не есть слишкомъ смѣшное дѣло; а потомъ и то уже будетъ жалко въ комедіи „Лѣкарь по неволѣ“, когда бѣднаго Зганареля зачнутъ бить палками, ибо ваше превосходительство, я думаю, согласитесь, что бить палками человѣка также не смѣшно; и по этому положенію Мольеръ былъ весьма худой комикъ, однакожь желалъ бы я знать, отчего и нынѣ съ удовольствіемъ смотрятъ его комедіи?.. Итакъ, я полагаю, что на театрѣ обстоятельства трагическія или комическія бываютъ потому такими почитаемы, какимъ образомъ они описываются авторомъ, и какой характеръ въ нихъ дѣйствуетъ, а не по своему содержанію, чему есть и доказательство: въ „Спдѣ“ у г. Корнелія графъ Гормасъ даетъ Донъ-Діегу пощечину, и никто этому не смѣется, но всѣ сожалѣютъ, что гордость одного старика стала причиною разрыва двухъ нѣжныхъ любовниковъ и другихъ плачевныхъ слѣдствій; въ „Игрокѣ“ Реньярда слугѣ

дают̈ъ также пощечину, однако же никто о томъ не плачетъ, но всѣ смѣются; въ „Дезертерѣ“ Монтосьеля бьютъ палками, и всѣ тому сострадаютъ, а въ „Скапиновыхъ обманахъ“ старика въ мѣшкѣ также бьютъ палками, и всѣ тому смѣются. И множество другихъ примѣровъ могли бы сыскаться, если бы не опасался я утрудить повтореніями оныхъ ваше превосходительство, ибо я твердо вѣрю, что вы, какъ директоръ, сами подробно знаете исторію и правила театра.

Что же касается до того, какъ ваше превосходительство изволили сказать о приношеніи въ жертву европейцевъ, чтобы онымъ дѣйствіемъ не возмутить нѣкоторыхъ въ публикѣ, то мое мнѣніе на то, что въ семьѣ не безъ урода; конечно, въ публикѣ могутъ быть зрители, которымъ всякое дѣйствіе кажется на выворотъ, но такимъ ничѣмъ уже угодить не можно, и лучше стараться угождать прямымъ знатокамъ, нежели людямъ, которые для того только почитаютъ себя знатоками, что ѣздятъ всякій день въ театръ раскланяться съ своими знакомыми. Пусть бранится глупый, ваше превосходительство; такая брань какъ дымъ исчезаетъ:

Достойной похвалы невѣжа не умалитъ,
А то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Однако, не смотря на сіе, я сдѣлалъ, по предложенію вашему, сію перемѣну въ моей оперѣ, также какъ и нѣкоторыя другія, назначенныя вашимъ превосходительствомъ, и послѣ сего вторично представилъ вамъ мою оперу и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, осмѣлился утруждать васъ моею просьбою о второмъ приговорѣ, который былъ въ томъ, чтобъ я взялъ назадъ мою оперу [1]). И за симъ отвѣтомъ имѣлъ я честь ходить къ вашему превосходительству шесть мѣсяцевъ, время, въ которое бы могла моя опера давно идти на другихъ театрахъ; но я и сей знакъ вашего гнѣва сносилъ, какъ человѣкъ, который имѣетъ всѣмъ защищеніемъ своимъ одну свою невинность.

Однакожь еще не осмѣливался я подумать, чтобы я былъ, а не сочиненіи мои, причиною вашего гнѣва, и для того имѣлъ честь быть у васъ, доложилъ я вамъ, не угодно ли вамъ будетъ принять на театръ мою комедію „Проказники“, которая уже у васъ нѣкогда была, и вы мнѣ дозволили ее напечатать,

---

[1]) Предполагаемое сожженіе испанца американцами удержано безъ измѣненія въ той передѣлкѣ оперы, которая принадлежитъ Клушину и напечатана въ 1800 году.

когда я находился подъ вашимъ начальствомъ; а какъ вы мнѣ сказали, что вы не помните сей комедіи, и я вамъ донесъ, что она написана на рогоносца, на которую столько вооружался г. Княжнинъ, то вы мнѣ изволили отвѣчать, что вы не пріемлете личности.

Позвольте сей отвѣтъ, ваше превосходительство, приписать вашему ко мнѣ неблаговоленію, ибо я не думаю, чтобы вы подлинно почитали личностію комедію на дурные нравы и захотѣли бы обидѣть г. Княжнина, нашедши въ его домѣ что-нибудь сходное съ пороками, которые изобразилъ я въ своей комедіи. Правда, что г. Княжнинъ вооружался противъ сей комедіи, но сему могъ быть причиною какой-нибудь повѣса, который ему или не хотѣлъ, или не умѣлъ подробнѣе пересказать о рогоносцѣ, котораго я вывелъ въ своей комедіи, и потому Яковъ Борисовичъ могъ легко ошибиться и почелъ по справедливости должностію вступиться за свою честь, которой однакоже я не прикасался. Но вы, милостивый государь, видѣли сію комедію, къ вамъ первому я ее принесъ, и вы дали мнѣ позволеніе ее напечатать; итакъ, неужели вы бы дозволили напечатать пасквиль? А если сія комедія не была и прежде личною, то и нынѣ она должна быть таковою же, и развѣ одинъ вашъ гнѣвъ могъ признать ее личною, чѣмъ вы сколько меня огорчили, столько обидили г. Княжнина, который, какъ разумный человѣкъ, конечно, самъ, увидя ее, не признаетъ личностію на себя и не воспротивится, чтобъ она была на театрѣ.

Увидя изъ сего вашъ гнѣвъ, принялъ я намѣреніе не докучать болѣе до времени театру моими сочиненіями и переставъ вамъ докладывать о моихъ бумагахъ; но я осмѣлился напомнить, что дирекція должна мнѣ выдать 250 рублей за переводъ „Инфанты“; ваше превосходительство сказали, что вы непремѣнно постараетесь ихъ выдать; но и донынѣ денегъ еще я ни полушки не видалъ, а питаюсь одною только лестною надеждою, что слова вашего превосходительства непремѣнны. Я не думаю, чтобы дирекція не могла заплатить столь малой суммы за переводъ, но еще меньше осмѣливаюсь думать, чтобы она захотѣла удержать деньги за оперу, которую переводилъ я по приказанію и по выбору вашего превосходительства. Если не давать мнѣ деньги за то, что содержаніе сей оперы худо, то бъ сіе было наказаніемъ меня за чужую погрѣшность, ибо я самъ никогда бы не осмѣлился выбрать для переводу оперу, въ которой нѣтъ ни здраваго смысла, ни хорошаго слога, ни

чистыхъ театральныхъ правилъ; а посему я осмѣливаюсь ласкаться надеждою, что ваше превосходительство, конечно, соблаговолите мнѣ заплатить деньги за безуспѣшный сей трудъ, понесенный мною по приказанію вашего превосходительства.

Теперь о послѣднемъ остается донести вашему превосходительству.

Уже я имѣлъ честь упомянуть, что я получилъ во время вашей дирекціи билетъ для входу въ театръ въ рублевыя мѣста, подписанный собственною рукою вашего превосходительства; сей билетъ былъ подтвержденъ равно г. Стрекаловымъ, бывшимъ директоромъ, а потомъ и вами по вступленіи вашемъ въ правленіе театра, и я имѣю честь хранить его при себѣ за вашимъ подписаніемъ и за печатью дирекціи; и я продолжалъ имъ пользоваться, доколѣ Казасси, находящійся у сбора при театрѣ [1]), не сдѣлалъ съ своей стороны мнѣ нечаяннаго удивленія и не вздумалъ запрещать мнѣ входъ въ театръ, или останавливая меня на нѣсколько часовъ въ сѣняхъ, или наконецъ посылая меня въ полтинныя мѣста, и еще осмѣливаясь утверждать, будто онъ дѣлаетъ сіе по приказанію вашему.

Я не осмѣлюсь и подумать, чтобъ ваше превосходительство, безъ всякой причины, вздумали уничтожить то, что̀ единожды подписать изволили; ибо безъ сего авторъ, которому дается входъ въ театръ въ рублевыя мѣста, можетъ ожидать, что вы со временемъ пересадите его въ полтинныя, потомъ въ четвертныя, а потомъ и подлѣ дверей у входа поставить его изволите, и что вы можете уничтожить ваше подписаніе, чѣмъ по указамъ могутъ у насъ пользоваться одни только вошедшіе недавно въ совершенныя лѣта, которые властны уничтожить то, что̀ подписали они въ недорослѣхъ безъ вѣдома опекуновъ. Но когда я получилъ сей билетъ, то достоинства, чины, разумъ и лѣта вашего превосходительства должны были увѣрить меня въ томъ, что вы и спустя нѣсколько лѣтъ признаете то справедливымъ и непремѣннымъ, что̀ однажды подписать изволили. Итакъ, я понынѣ не думаю, чтобъ вы перемѣнили свое мнѣніе, и Казассія почитаю единственнымъ затрудненіемъ для входу мнѣ въ театръ.

---

[1]) Антонъ Казасси, по происхожденію италіанецъ, былъ сперва танцовщикомъ въ придворной труппѣ, а потомъ смотрителемъ за театральными сборами (Лѣтопись русск. театра *П. Арапова*, стр. 101 и 103).

Оставшись при таковомъ мнѣніи, я удивляюсь, какъ могъ сборщикъ у театра противиться собственноручному подписанію вашего превосходительства и осмѣлиться присвоить себѣ власть перевершить то, что̀ вы опредѣлить изволили. Неужели, ваше превосходительство, должно у него испрашивать еще авторамъ подтвержденіе тому, что̀ вы скажете, и неужели театральный преддверникъ долженъ распоряжать, гдѣ автору занимать надлежитъ мѣсто?

Впрочемъ, отдавъ на театръ свои сочиненіи, видя уже игранным мой переводъ и зная, что другіе авторы равно пользуются входомъ, не почитаю и я за чрезвычайную милость отъ театра, что имѣю въ него входъ; ибо я имѣю на то такое же право, какъ и другіе, которые симъ пользуются. Итакъ, я не знаю, за что̀ привлекъ я одинъ на себя такую немилость, что пересаженъ въ полтинныя мѣста Казассіемъ. Если же—чего я по сказаннымъ мною причинамъ и подумать не смѣю — есть на то воля ваша, то я осмѣливаюсь одинъ только вопросъ сдѣлать: ошибкою ли сей билетъ подписанъ вашимъ превосходительствомъ, или ошибкою не приказано пускать меня въ рублевыя мѣста?

Я бы могъ подумать, если бы я былъ дерзокъ, что мое поведеніе тому причиною; но кто неблагопристойничаетъ въ публикѣ, того не изъ рублевыхъ въ полтинныя мѣста пересаживаютъ, но и за деньги въ театръ не пускаютъ; а я веду себя такъ, что никакъ не могу быть наказанъ безчестнымъ лишеніемъ входа въ общество, и вижу съ собой толь чудной поступокъ. Правда, я нерѣдко смѣюсь въ трагедіяхъ и зѣваю иногда въ комедіяхъ; но, видя глупое, ваше превосходительство, можно ли не смѣяться или не зѣвнуть? Я же смѣюсь и зѣваю столь тихо, что никакого шуму симъ не дѣлаю, да притомъ и такъ счастливъ, что меня часто публика въ томъ поддерживаетъ; но сего, ваше превосходительство, конечно, не поставите мнѣ въ вину, ибо я не нахожу способа, чтобъ отъ того себя предостеречь,—развѣ однимъ тѣмъ, чтобъ садиться къ театру задомъ; но я имѣю двѣ причины, которыя никогда не дозволятъ мнѣ сдѣлать того: вопервыхъ, что, входя въ театръ, я всегда ожидаю чего-нибудь хорошаго, а второе, хотя бы иногда, расположившись такимъ образомъ къ театру и заткнувъ уши, я могъ бы удержаться отъ смѣха, но тогда бы на меня публика стала смѣяться,—а я удаленъ и мысленно отъ того, чтобъ быть причиною какого-нибудь шуму въ театрѣ. Я слыхалъ, что авторовъ не-

рѣдко ставятъ причиною тому, когда публика зѣваетъ, глядя на актеровъ; но пусть сыграютъ порядочно какую-нибудь драму,— вы увидите, ваше превосходительство, съ какимъ терпѣніемъ тогда будетъ публика ожидать закрытія занавѣсы. Донеся сіе въ мое оправданіе, я думаю, что я довольно предъ вашимъ превосходительствомъ объяснилъ мою невинность и несправедливый поступокъ, учиненный Казассіемъ, въ уничтоженіи вашего билета; итакъ, оставлю ваше превосходительство рѣшить между мною и сборщикомъ: онъ ли, который осмѣлился нарушить ваше подписаніе и задерживать меня у театра, или я, который не подалъ ни малой причины къ тому, чтобы изгнанъ былъ изъ рублевыхъ мѣстъ, и который льститъ себя надеждою, что билетъ, данный вашимъ превосходительствомъ, не только театральнымъ сборщикомъ, но и самими вами не можетъ быть безъ причины уничтоженъ.

Изъясня преданнѣйше вашему превосходительству о всѣхъ безпокойствахъ, которыя я претерпѣлъ, заключаю я сіе письмо моею нижайшею просьбою, чтобъ ваше превосходительство благоволили съ подателемъ сего письма прислать мою оперу „Бѣшеную семью“, если она болѣе уже вамъ не нравится, и также „Американцевъ“, ибо я твердое предпріялъ намѣреніе одной публикѣ отдать ихъ на судъ. А какъ я нѣкоторымъ образомъ долженъ ей дать отчетъ, почему мои твореніи не приняты на театръ, то я думаю, ваше превосходительство дозволите милостиво припечатать мнѣ сіе письмо при моихъ сочиненіяхъ; что же касается до билета для входу въ театръ, то я, видя мою невинность и почитая ваше превосходительство, за излишнее признаю утруждать васъ о немъ моею просьбою и оставляю на соизволеніе проницательному и просвѣщенному разуму вашего превосходительства или подтвердить свое подписаніе, или подтвердить надъ нимъ Казассіевъ приговоръ. Я жъ съ моею преданностію имѣю честь пребыть милостиваго государя вашего превосходительства всепокорнѣйшій и преданный слуга Иванъ Крыловъ.

Мы опять не знаемъ, было ли это письмо доставлено Соймонову, или же только пущено Крыловымъ по рукамъ. Но такъ или иначе, а дѣлая этотъ рѣшительный шагъ, онъ окончательно и безповоротно разрывалъ свои связи съ театральною дирекціей. Горячій нравъ его обнаружился въ этомъ поступкѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ размолвкѣ съ Княжнинымъ: въ выраженіяхъ своего письма къ Соймонову онъ, конечно, переступилъ пре-

дѣлы приличій; но вѣдь и поводъ, вызвавшій столь рѣзкое письмо, былъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ въ прежней ссорѣ: Крыловъ былъ обманутъ данными ему обѣщаніями; неисполненіе ихъ отнимало у него долго лелѣемыя надежды на сценическіе успѣхи; вмѣсто нихъ онъ встрѣтилъ со стороны Соймонова и даже его подчиненныхъ высокомѣрное пренебреженіе къ нему, какъ къ писателю и человѣку. Устраненный отъ театра, онъ рѣшился перестать писать для сцены.

Крыловъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ почувствовать ѣдкость нанесенной ему обиды, что въ то время, когда это случилось, то-есть, въ 1789 году, онъ могъ уже сознавать себя человѣкомъ болѣе самостоятельнымъ и, пожалуй, нѣсколько болѣе извѣстнымъ, чѣмъ прежде. Если по службѣ онъ все еще оставался мелкимъ приказнымъ служителемъ, если піесы его все еще не проникли на сцену, за то въ литературной средѣ у него образовались новыя связи, и произведенія его стали наконецъ появляться въ печати. До тѣхъ поръ ему удалось помѣстить всего только одну коротенькую (и очень плохую) эпиграмму въ журналѣ Туманскаго *Лѣкарство отъ скуки и забот*ъ [1]); съ 1789 же года онъ самъ становится редакторомъ періодическаго изданія *Почта духовъ*. Этимъ счастливымъ поворотомъ въ своей литературной дѣятельности послѣ цѣлаго ряда неудачъ онъ былъ обязанъ именно тѣмъ новымъ связямъ, которыя онъ теперь успѣлъ себѣ пріобрѣсти въ кругу писателей. Онъ встрѣтилъ наконецъ людей, которые признали въ немъ дарованіе, ободрили его самолюбіе и поддержали въ молодомъ авторѣ стремленіе къ творчеству, не находившее до сихъ поръ свойственной ему формы.

Изъ числа писателей Крыловъ всего тѣснѣе сошелся съ Иваномъ Герасимовичемъ Рахманиновымъ и Александромъ Ивановичемъ Клушинымъ. Мы уже знаемъ, что объ образованіи перваго Крыловъ всегда отзывался съ особымъ уваженіемъ. Бывшій офицеръ конной гвардіи, знакомый Державина и Дмитріева, Рахманиновъ былъ большой поклонникъ Вольтера и убѣжденный послѣдователь его идей. „Г. Вольтеръ, пріобрѣвшій отличными своими писаніями славу“,—такъ писалъ однажды этотъ русскій вольтеріанецъ — „не замедлилъ привлечь на себя толпу завистниковъ, которые во все продолженіе

[1]) Въ № 26 этого еженедѣльника за декабрь 1786 г., стр. 268—269, съ подписью *И. Кр.*

его жизни не переставали на него нападать различными образы... Правда, что въ числѣ его сочиненій, можетъ быть, находятся и такія, которыя не заслуживаютъ одобренія; но сіе, по видимому, произошло отъ того, что одна философія, которой всегда онъ слѣдовалъ, была безсильна разрѣшить тѣ предложенія, о коихъ другіе, именующіеся философами, издали рѣшительно цѣлыя системы, не будучи сами увѣрены о точности оныхъ; ибо чрезъ предѣлъ, положенный человѣческому понятію, ни одинъ смертный проникать не можетъ. Умствованія г. Вольтера стремились далѣе тѣхъ границъ, гдѣ всѣ изслѣдованія человѣка остаются недѣйствительными. Но кому такая слабость не свойственна? Мы ежедневно видимъ оной подверженными не только тѣхъ, кои извѣстны свѣту своими обширными знаніями, но и тѣхъ, которые усердно желаютъ быть за таковыхъ признанными; и можетъ быть, симъ послѣднимъ свойственнѣе безъ всякаго размышленія разсказывать, съ надменностію своего познанія, о такихъ предметахъ, о которыхъ сами они ничего не понимаютъ, превращая сомнѣнія философовъ въ ядъ заблужденія. Таковые мнимые философы по истинѣ достойны всякаго осужденія тѣмъ паче, что, не имѣя мыслямъ своимъ никакого основанія, бреднями своими заражаютъ другихъ, лишаются послѣдняго отъ Высочайшаго Существа дарованнаго имъ понятія и остаются, какъ тонкія трости, безъ всякія подпоры, на всѣ стороны преклоняемыя. Напротивъ же того, мнѣніи человѣка, который, имѣя съ основаніемъ обширное понятіе о многихъ предметахъ, сомнѣвается въ нѣкоторыхъ такихъ истинахъ, которыя несоразмѣрны человѣческому разуму, и о коихъ ни утвердительнаго, ни отрицательнаго ни одинъ философъ, со всѣмъ своимъ умствованіемъ, ничего сказать не можетъ, есть дѣйствіе человѣческаго несовершенства, которое заслуживаетъ исправленія здравыя критики, а не порицанія злобныя сатиры“ [1]). Эта довольно ловко написанная защита Вольтерова скептицизма характеризуетъ вполнѣ образъ мыслей Рахманинова: очевидно, вольтеріанство было для него послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью распространять его идеи въ русскомъ обществѣ; въ теченіе 1780-хъ годовъ онъ перевелъ и напечаталъ цѣлый

[1]) Предисловіе Рахманинова къ переведенному имъ „Извѣстію о болѣзни, о исповѣди и о смерти г. Вольтера, сочиненному *I. Дюбоа*“ (С.-Пб. 1785).

*

рядъ сочиненій Вольтера, искусно выбирая между ними такія, которыя, при доступности и занимательности изложенія, особенно ярко выражали бы направленіе Вольтерова ума. Въ 1789 году онъ даже завелъ собственную типографію для печатанія своихъ изданій. Въ самый разгаръ этой дѣятельности Рахманинова познакомился съ нимъ Крыловъ — вѣроятно, чрезъ Брейткопфа, въ типографіи котораго печатались нѣкоторыя изданія трудолюбиваго переводчика.

Рахманиновъ былъ человѣкъ богатый и уже въ лѣтахъ. Напротивъ того, Клушинъ—бѣденъ и молодъ, такой же начинающій писатель, какъ самъ Крыловъ. По направленію своему онъ также принадлежалъ къ числу людей свободомыслящихъ, но съ тѣмъ оттѣнкомъ легкомыслія, которымъ, въ противоположность Рахманинову, отличалось большинство нашихъ вольтеріанцевъ. „Уменъ, хорошій писатель“, замѣчаетъ о немъ почтенный старикъ Болотовъ,—„но... но сердце имѣлъ скверное: величайшій безбожникъ, атеистъ и ругатель христіанскаго закона; нельзя быть съ нимъ: даже сквернословитъ и ругаетъ, а особливо всѣхъ духовныхъ и святыхъ. Матери своей онъ часто говаривалъ: „Дивлюсь, матушка, и не могу надивиться, какъ вы, будучи еще въ сихъ лѣтахъ и такъ здоровы, а не имѣете любовника. Вѣдь я вѣдаю, каковы вы, женщины, и что вамъ желалось бы имѣть любовника“ [1]). Клушинъ, подобно Крылову, началъ службу въ Твери, и вѣроятно, еще тамъ завязалось знакомство между ними, а позже, въ Петербургѣ, связь эту скрѣпила общность литературныхъ интересовъ. Ихъ соединяло также одинаковое уваженіе къ Рахманинову. „Рахманиновъ“, вспоминалъ Крыловъ впослѣдствіи — „былъ гораздо старѣе насъ, и однакожъ мы были съ нимъ друзьями... Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ“. При основаніи *Почты духовъ* Крылову пришлось даже выдержать съ нимъ ссору изъ-за того, какое названіе дать журналу [2]).

Послѣ всего сказаннаго о близости Крылова съ этими двумя вольтеріанцами не должно казаться невѣроятнымъ предполо-

---

[1]) *А. Т. Болотовъ.* Памятникъ протекшихъ временъ. Изданіе *П. С. Киселева.* М. 1875, стр. 117—118.

[2]) Дневникъ чиновника *С. П. Жихарева*—въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 г., т. CI, стр. 183; *И. И. Быстровъ* въ *Сѣв. Пчелѣ* 1845 г., № 203.

женіе о знакомствѣ его еще съ однимъ писателемъ, извѣстнымъ своею горячею приверженностью къ идеямъ освободительной философіи XVIII вѣка, съ А. Н. Радищевымъ: на это можетъ указывать не только его совмѣстная съ Крыловымъ служба въ вѣдомствѣ казенной палаты, но и весьма вѣроятное, по нѣкоторымъ догадкамъ, присутствіе статей Радищева въ *Почтѣ духовъ* [1]).

Близкое общеніе съ людьми, причастными высшимъ умственнымъ движеніямъ своего времени и во всякомъ случаѣ образованными, принесло пользу собственному развитію Крылова. Если онъ не сталъ вольтеріанцемъ подобно Рахманинову, то все же въ бесѣдахъ съ нимъ могъ пріобрѣсти бо́льшую широту и свободу воззрѣнія на вещи; если отъ крайняго увлеченія философскими отвлеченностями его удержалъ художническій складъ его ума, за то начитанность его новыхъ друзей помогла ему обогатиться свѣдѣніями и образовать свой вкусъ: въ письмѣ къ Соймонову, а также въ статьяхъ о театрѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ *Зритель*, 1791 года, Крыловъ высказываетъ здравыя понятія о драматическомъ искусствѣ, которыхъ ему, очевидно, еще недоставало въ то время, когда онъ писалъ, безъ всякаго совѣта и руководства, свои первыя комедіи и оперы. Самый переходъ Крылова отъ драматическихъ опытовъ къ журнальной сатирѣ слѣдуетъ, кажется, поставить въ зависимость отъ вліянія его новыхъ друзей: по крайней мѣрѣ, изъ собственныхъ позднѣйшихъ разсказовъ нашего автора извѣстно, что Рахманиновъ „давалъ матеріалы“ ему при составленіи сатирическихъ статей для *Почты духовъ*; очевидно, старый вольтеріанецъ подмѣтилъ въ Крыловѣ сатирическую жилку и комическое дарованіе и желалъ указать имъ болѣе правильный путь развитія.

Рахманиновъ самъ былъ не чуждъ журнальному дѣлу: съ апрѣля 1788 года по мартъ слѣдующаго онъ издавалъ еженедѣльникъ *Утренніе часы*, въ которомъ помѣщались главнымъ

---

[1]) Догадка объ участіи Радищева въ *Почтѣ духовъ* была высказана А. Н. Пыпинымъ (*Вѣстникъ Европы* 1868 г., май, статья „Крыловъ и Радищевъ“) и не вполнѣ отвергается возражавшими ему Я. К. Гротомъ (*Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. VI, стр. 39) и А. Д. Галаховымъ (Исторія русск. словесности, т. I, изд. 1-е, стр. V—VII). Съ своей стороны, мы склонны приписать Радищеву помѣщенныя въ *Почтѣ духовъ* письма сильфовъ Дальновида и Выспрепара, особливо письма 20-е, 22-е, 24-е и 27-е, которыя, какъ по мыслямъ, такъ и по своему тяжелому слогу, напоминаютъ „Путешествіе въ Москву“.

образомъ статьи нравоучительнаго содержанія, а также стихотворенія, повѣсти и сатирическіе очерки. Здѣсь напечатана была ода Крылова „Утро“, съ подписью его имени [1]); но весьма вѣроятно, что въ томъ же изданіи появились еще другія его произведенія, только безъ его имени; такъ, нѣкоторые сатирическіе очерки *Утреннихъ часовъ* не только по темѣ, но и по манерѣ изложенія, напоминаютъ Крыловскія письма гномовъ въ *Почтѣ духовъ* [2]); еще болѣе заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ басенъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Рахманинова: по живости языка и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова [3]) Еслибы принадлежность ему этихъ анонимныхъ произведеній могла быть доказана съ достаточною точностью, мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзіи, которымъ впослѣдствіи онъ прославилъ свое имя; а что онъ сочинялъ басни въ юности, преданіе о томъ сохранено Лобановымъ.

Еще прежде, чѣмъ истекъ годъ изданія *Утреннихъ часовъ*, Рахманиновъ сталъ печатать въ своей типографіи журналъ, предпринятый Крыловымъ: первая книжка *Почты духовъ* вышла въ концѣ января 1789 года. Въ литературѣ нашей существуютъ различныя мнѣнія о томъ, всѣ ли статьи этого журнала написаны самимъ Крыловымъ, или же у него были сотрудники. Мы склоняемся въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, основываясь, вопервыхъ, на собственномъ намекѣ Крылова и, вовторыхъ, на томъ обстоятельствѣ, что Плетневъ внесъ въ изданіе его сочиненій, вышедшее въ 1847 году, лишь письма гномовъ Зора, Буристона и Вѣстодава и волшебника Мули-

---

[1]) *Утренніе часы*, ч. IV, стр. 136—141 (мартъ 1789 г.). Замѣтимъ кстати, что П. А. Крыловъ значится въ числѣ подписчиковъ на этотъ журналъ по списку ихъ, приложенному къ ч. III.

[2]) Ср. сатирическій очеркъ „Модныя лавки“ въ *Утр. часахъ*, ч. IV, стр. 37—48 (февраль 1789 г.), съ письмами 14-мъ и 39-мъ въ *Почтѣ духовъ*, а также статью *Утр. часовъ*, ч. III, стр. 170—176 (декабрь 1788 г.), описывающую пріемную знатнаго барина, съ подобнымъ же описаніемъ въ 26-мъ письмѣ *Почты духовъ*.

[3]) См. въ *Утр. часахъ*, въ ч. III — „Олень и заяцъ“, а въ ч. IV — „Новопожалованный оселъ“; эта послѣдняя басня представляетъ замѣтное сходство съ „Осломъ“ Крылова („Когда вселенную Юпитеръ населялъ“...). Кромѣ того, въ ч. III *Утр. часовъ* (октябрь 1788 г.) есть басня „Недовольный гостьми стихотворецъ“, гдѣ осмѣянъ помѣшанный на прозѣ и стихахъ Рифмохватъ — то же лицо, что̀ Рифмокрадъ, то-есть, Княжнинъ, въ „Проказникахъ“ Крылова.

кульмулька [1]). Поэтому, изъ всего состава *Почты духовъ* мы считаемъ возможнымъ говорить только объ этомъ рядѣ писемъ, какъ о произведеніи, несомнѣнно вышедшемъ изъ-подъ пера Крылова; притомъ же, письма эти составляютъ, безъ сомнѣнія, лучшую часть журнала, во главѣ котораго онъ стоялъ.

Журнальная сатира доставила Крылову удовлетвореніе въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, она дала ему возможность испытать свои литературныя силы на новомъ поприщѣ, въ новомъ родѣ, гдѣ онъ былъ менѣе стѣсненъ установленными литературными правилами, и вовторыхъ, на страницахъ журнала онъ нашелъ случай посчитаться съ тѣми непріятелями, которые у него были въ кругу писателей и въ обществѣ. Мы видѣли уже, что въ письмѣ къ Соймонову онъ обѣщалъ перенести свою размолвку съ нимъ на публичный судъ въ печать: это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе на страницахъ *Почты духовъ*. Не мало насмѣшекъ разсыпано тамъ и на счетъ Княжнина. Мы должны войдти въ нѣкоторыя подробности объ этой полемической сторонѣ журнальной дѣятельности Крылова, чтобы дать окончательное объясненіе его письмамъ, которыя были приведены выше.

Нападки на Княжнина начинаются съ третьей, мартовской книжки *Почты духовъ*. Тутъ, въ письмѣ 12-мъ, отъ гнома Бурлстона, разсказывается о разныхъ плутахъ и казнокрадахъ, а затѣмъ гномъ сообщаетъ своему корреспонденту-волшебнику слѣдующее:

„Лишь только успѣлъ я выйдти на улицу, какъ встрѣтившійся со мною разсерженный человѣкъ, державшій въ рукахъ своихъ бумагу, просилъ меня просмотрѣть, какова его челобитная, которую подавалъ онъ на нововышедшую въ свѣтъ сатиру. „Государь мой“, отвѣчалъ я ему,—„я не знаю ни сатиры, ни вашего дѣла“. „О, сударь“, сказалъ онъ, — „это дѣло требуетъ непремѣннаго отмщенія. Сатира эта написана

---

[1]) Разсказывая П. П. Быстрову о содѣйствіи Рахманинова изданію *Почты духовъ*, Крыловъ говорилъ: „онъ давалъ *намъ* матеріалы“ (*Сѣв. Пчела*, 1845 г., № 203); слѣдовательно, не одинъ Крыловъ писалъ статьи для журнала. Всѣхъ писемъ, входящихъ въ составъ *Почты духовъ*, 48; но изъ нихъ въ изданіе 1847 г. внесено только 18 писемъ гномовъ и Муликульмулька; слѣдовательно, остальныя не принадлежатъ Крылову, за исключеніемъ, впрочемъ, еще одного письма гнома Зора (12-го по счету журнала), которое не попало въ изданіе 1847 г. по волѣ тогдашней цензуры. Во всякомъ случаѣ, надобно думать, что собственный вкладъ Крылова въ *Почту духовъ* не превышаетъ этихъ 19 писемъ.

на рогоносца, а жена моя точно доказываетъ, что это на меня". Послѣ чего подалъ онъ мнѣ свою челобитную, съ которой копію, какъ любопытную вещь, тебѣ посылаю:

Судей собраніе почтенно,
Внемли пінта жалкій гласъ
И разсуди ты непремѣнно
Съ сатирикомъ негоднымъ насъ!
Онъ смѣлъ настроить дерзку лиру
И выпустить во свѣтъ сатиру,
Гдѣ онъ, рогатаго браня,
Назвалъ глупцомъ его безбожно;
Жена жь моя твердитъ неложно,
Что это пасквиль на меня.
Второе: онъ сказалъ нахально,
Что въ семъ рогатомъ чести нѣтъ;
Хотя — признаться — непохвально,
Но это точно мой портретъ.
А третье: тотъ его рогатый,
Лишь красть чужое тароватый,
Не можетъ самъ писать стиховъ;
А вамъ весь городъ скажетъ,
И всякій стихъ мой то докажетъ.
Что я и былъ, и есть таковъ.
Прошу жь покорно: накажите
За пасквиль моего врага
И впредь указомъ запретите
Писать сатиры на рога!" [1])

Намекъ на Княжнина тутъ совершенно ясенъ: Крыловъ перелагаетъ въ стихи свое столкновеніе съ нимъ изъ-за „Проказниковъ", и эти стихи подтверждаютъ высказанное нами предположеніе, что Княжнинъ, провѣдавъ о комедіи, сочиненной на него Крыловымъ, принималъ мѣры къ тому, чтобъ она не была играна на сценѣ, и вѣроятно, настроилъ въ этомъ смыслѣ Соймонова.

Письмо Буристона оканчивается обѣщаніемъ разсказать продолженіе ссоры между сатирикомъ и обиженнымъ піитомъ. Дѣйствительно, въ майской книжкѣ *Почты духовъ*, въ письмѣ 30-мъ, снова идетъ рѣчь о томъ же писателѣ-рогоносцѣ, — только на этотъ разъ о немъ разсказываетъ уже не Буристонъ, а другой гномъ — Зоръ. Обходя книжныя лавки, Зоръ замѣтилъ, что ихъ переполняютъ „изданныя въ четвертку безъ правилъ, краденыя сочиненія Рифмокрада, . . . которыя про-

[1]) *Почта духовъ*, ч. I, стр. 137—138.

даются нерѣдко на вѣсъ для разнощиковъ на обертку овощей". Въ одной изъ лавокъ Зору пришлось присутствовать при спорѣ между горячимъ хвалителемъ Рифмокрадовыхъ произведеній и порицателемъ ихъ. Порицатель говоритъ, между прочимъ, что этого бездарнаго сочинителя превозносятъ похвалами только тѣ, кого онъ угощаетъ обѣдами, и кто ухаживаетъ за его женой; если піесы Рифмокрада имѣютъ успѣхъ на сценѣ, то только потому, что онъ привозитъ въ театръ хлопальщиковъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, порицатель читаетъ слѣдующую сказку:

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей.
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить;
А Рифмокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка — дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и кстатѣ и не кстатѣ,
Въ ладони хлопая, кричатъ согласно: *тятя!*
Но сколь немного женъ есть вѣрныхъ — знаетъ свѣтъ:
Не на Лукрецію и нашъ нашелъ поэтъ.
Онъ видитъ это самъ. Поступки Тараторы
Между пріятелей ея заводятъ ссоры.
Чтобъ отомстить за то, чего не могъ сберечь,
Хоть одного изъ нихъ онъ хочетъ подстеречь.
Желанны дни пришли: онъ видитъ очень ясно,
Что онъ себя считалъ въ рогатыхъ не напрасно.
„Измѣнница!" кричитъ, — „того ль достоинъ я?
„Увы, гдѣ дѣлась честь, гдѣ слава вся моя?"
Жена въ отвѣтъ ему: „Для этой самой славы
„Немного рушу я супружески уставы;
„Съ партеромъ перервать я твой хотѣла споръ,
„Гдѣ вѣчно на тебя всемірный заговоръ:
„Завистниковъ тебѣ — ты знаешь — тамъ не мало,
„Но нынѣ тщаніемъ моимъ ихъ менѣ стало.
„Я многіе тебѣ достала голоса".
„Любезная жена, ты строишь чудеса!"
Вскричалъ поэтъ, — „такъ будь моимъ ты Аполлономъ
„И лавры мнѣ плети; въ рогахъ я не съ урономъ,
„Въ нихъ выгоды себѣ я вижу лишь одни:
„Тѣмъ болѣ голосовъ, чѣмъ болѣ мнѣ родни!"

Чтеніе это приводитъ почитателя Рифмокрада въ совершенное неистовство; между нимъ и его противникомъ происходитъ драка, кончающаяся полною побѣдой хулителя Рифмокрадовыхъ произведеній.

И въ этомъ письмѣ Зора, какъ въ письмѣ Бурнстона, не трудно угадать, на кого направлены насмѣшки сатирика: мы

уже встрѣчали имена Рифмокрада и его жены Тараторы въ „Проказникахъ“ Крылова. „Изданныя въ четвертку сочиненія Рифмокрада“—это „Собраніе сочиненій Якова Княжнина“, роскошно напечатанное въ 1787 году; средства на это изданіе авторъ получилъ отъ казны по ходатайству тогдашняго любимца Екатерины А. П. Ермолова [1]). По всей вѣроятности, должно считать не вымышленнымъ обстоятельствомъ и то, что̀ сообщается въ вышеприведенной сказкѣ объ искусственномъ подготовленіи успѣха піесъ Рифмокрада: у Княжнина было два сына, и одинъ изъ нихъ, Александръ, подобно отцу, писалъ для сцены и вообще былъ большой любитель театра; отца своего онъ считалъ настоящимъ геніемъ, и составленная имъ біографія Якова Борисовича есть чистый панегирикъ ему; въ этой біографіи встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія высокопарныя слова о широкой жизни Княжнина: „Открытый домъ его былъ самымъ лучшимъ сборищемъ для всѣхъ ученыхъ людей. Любители изящныхъ наукъ въ кругу сего общества, въ маленькомъ семъ пантеонѣ питали сердца свои, а молодые стихотворцы образовали юныя свои дарованія, оживотворяясь разумомъ нашего поэта“ [2]). Сатира Крылова показываетъ намъ оборотную сторону этихъ сборищъ.

Редакторъ *Почты духовъ* не затруднился вывести Княжнина на публичное осмѣяніе очень откровенно. Въ отношеніи къ Соймонову онъ поступилъ осторожнѣе: не трогая его личности, сатирикъ говоритъ вообще о состояніи театра и предоставляетъ самому читателю догадываться, по чьей винѣ оно дурно. Вопросу о театрѣ посвящено 44-е письмо въ августовской книжкѣ *Почты духовъ*, сочиненное отъ лица гнома Зора. Онъ описываетъ посѣщеніе театра и излагаетъ содержаніе разговора, который онъ велъ съ своимъ сосѣдомъ во время представленія. Прежде всего Зора поразило множество собравшейся публики; такой приливъ ея онъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что будетъ исполняться піеса любимаго автора, и сообщилъ свое предположеніе сосѣду. „Нѣтъ“, отвѣчалъ ему сосѣдъ,—„мы еще совсѣмъ не знаемъ автора; но публика здѣшняя очень жалуетъ новости, и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ столь много зрителей, что еслибъ послѣ заставили его играть кругъ-

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ *В. Я. Стоюнина*: „Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ“, написанной на основаніи письменныхъ замѣтокъ сына трагика о своемъ отцѣ—*Русск. Вѣстникъ* 1860 г., № 10, стр. 107.

[2]) Сочиненія Якова Княжнина. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1817, т. I, стр. 8.

лый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бываютъ здѣсь такія, которыя могутъ похвалиться только первымъ сборомъ, а для сей-то причины авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, чтобы обрадовать онымъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжествуютъ и въ послѣдующія представленія, что̀ однакожь не всегда случается, и они часто принуждены бываютъ скромничать навсегда своими именами". Пока новые знакомые вели эту бесѣду, заиграла музыка, занавѣсь взвилась, и началось представленіе. „Мы увидѣли то, чего не ожидали", пишетъ далѣе Зоръ, и затѣмъ подробно разсказываетъ содержаніе видѣнной имъ комической оперы. Ничтожество, нелѣпость піесы поразили гнома. Едва спустили занавѣсь, какъ онъ обратился къ своему сосѣду съ такимъ вопросомъ: „Неужели позволено обременять публику всѣмъ, что̀ какой-нибудь парнасскій невѣжа набредитъ изволитъ? Театръ есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій и игра разума; но здѣсь ничего этого не видно. Всякій изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго, кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, чтобы зѣвать до слезъ три часа и противъ воли слушать бредни какого-то несчастнаго подлипалы музъ"... Зоръ еще долго продолжалъ свои обличенія, пока наконецъ сосѣдъ не прервалъ его слѣдующими словами: „Ахъ, сударь, всѣ ваши слова справедливы; добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое никакому разсудительному человѣку не понравится; но театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя, или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей; но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ; но нѣтъ надежды, чтобы они и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше этой". „Но для чего же здѣсь доступъ такъ труденъ на театрѣ?" спросилъ Зоръ. „Для того", отвѣчалъ сосѣдъ,—„что почитаютъ благодѣяніемъ сыграть чье сочиненіе; впрочемъ, это—разсчетъ театра, и разсчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна ему только одному". Зоръ пожелалъ узнать тѣ правила, какія нужно соблюдать, чтобы піеса была принята на театръ. „Самыя простыя", отвѣчалъ ему его собесѣдникъ; —„вопервыхъ, смысла и остроты не надобно; правила театральныя совсѣмъ не нужны: береги-

тесь пуще всего нападать на пороки, для того, что комедія, написанная на какой-нибудь порокъ, почитается здѣсь личностію; берегитесь также вмѣщать острыхъ шутокъ въ ваше сочиненіе, ибо здѣсь говорить умно на театрѣ почитается противнымъ благопристойности, а надобно, чтобъ ваши дѣйствующія лица говорили такъ просто и неостро, какъ говорятъ пьяные или сумасшедшіе; словомъ, возьмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу и напишите ей подраженіе: тогда можете надѣяться, что ее когда-нибудь представятъ, и васъ театръ включитъ въ число своихъ авторовъ, а публика—въ число мучителей, наводящихъ ей зѣвоту". Съ этими словами сосѣдъ отошелъ отъ гнома, и Зоръ остался—такъ заключаетъ онъ свое письмо—„удивляться такимъ чуднымъ правиламъ театра и желанію нѣкоторыхъ безпокойныхъ головъ, которыя, ненавидя жить въ спокойной неизвѣстности, собираютъ тысячи двѣ народу, чтобы заставить ихъ смѣяться надъ своимъ дурачествомъ".

Достаточно хотя бы слегка сравнить это письмо гнома Зора съ письмомъ Крылова къ Соймонову, чтобы видѣть, къ кому статья *Почты духовъ* обращаетъ свои порицанія и упреки. Сходство между обоими письмами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное; а судя по изложенію сюжета нелѣпой піесы, видѣнной Зоромъ, это и есть та самая комическая опера „Двѣ невѣсты", которую Крыловъ упоминаетъ въ письмѣ къ Соймонову, какъ произведеніе, имъ самимъ выбранное для представленія на сценѣ. Серьезный тонъ, отличающій письмо Зора о театрѣ, выдѣляетъ его изъ ряда другихъ сатирическихъ статей, помѣщенныхъ Крыловымъ въ *Почтѣ духовъ*: видно, что авторъ говоритъ о предметѣ, который сильно занималъ его, и надъ которымъ онъ много думалъ.

Но, кромѣ статей полемическихъ, направленныхъ противъ извѣстныхъ лицъ, Крыловъ помѣстилъ въ *Почтѣ духовъ* рядъ писемъ въ другомъ родѣ, рядъ очерковъ изъ области общественной сатиры. Изъ всего, что имъ напечатано въ названномъ журналѣ, эти очерки имѣютъ наибольшее значеніе, потому что въ нихъ какъ бы внезапно развернулась сила его оригинальнаго дарованія. Прежде всего этому благопріятствовала та свободная форма писемъ, которую онъ выбралъ для своей сатиры. Тутъ ему не было надобности, какъ въ комедіяхъ, затруднять себя изобрѣтеніемъ болѣе или менѣе сложныхъ сюжетовъ, ни примѣняться ко вкусу публики; требовалось живое и вѣрное изображеніе дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она представ-

лялась его художническому взгляду, и эта задача—доступная, разумѣется, только истинному дарованію—была рѣшена молодымъ писателемъ вполнѣ удачно.

Собственно по содержанію сатира Крылова въ *Почтѣ духовъ* не отличалась новостью: она преслѣдовала французское воспитаніе русской молодежи, пустоту и мотовство щеголей, распущенность нравовъ въ большомъ свѣтѣ, спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, кривой судъ, произволъ вельможъ, словомъ—тѣ же общественные недостатки, которые осмѣивались еще въ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 годовъ. Правда, указывая на это сходство, Я. К. Гротъ признаётъ, что сатира *Почты духовъ* была „глубже, рѣзче и разнообразнѣе“, чѣмъ сатира прежнихъ изданій, и что она будто бы заглядывала даже въ самыя причины этихъ печальныхъ явленій общественной жизни. Но мы, съ своей стороны, затрудняемся присоединиться къ такому заключенію. Вопервыхъ, если корни общественныхъ золъ указывались на страницахъ *Почты духовъ*, то не въ тѣхъ статьяхъ, которыя—согласно достовѣрному преданію—должны быть усвоены Крылову, а въ тѣхъ, которыя библіографическая осторожность заставляетъ приписывать другимъ авторамъ, напримѣръ, въ письмахъ сильфа Дальновида. Вовторыхъ, мы думаемъ, что даровитый писатель можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ сатирикомъ въ силу своей природной способности даже и въ томъ случаѣ, если онъ по своему умственному развитію стоитъ не много выше современнаго ему общества. Примѣры такого явленія можно указать во многихъ литературахъ. Такъ было и съ Крыловымъ, у котораго сатирическая способность составляла коренное свойство его природы; но, проявляя его, онъ едва ли сумѣлъ бы оправдать свою сатиру логическими доводами, едва ли былъ въ состояніи додуматься до коренныхъ причинъ общественныхъ недостатковъ: даже въ позднѣйшій періодъ своего творчества, въ пору созданія басенъ, онъ лучше умѣлъ обличать пороки общества, чѣмъ указывать на то, откуда они произошли, и что̀ нужно для его совершенствованія. Короче сказать, мы вовсе не думаемъ, чтобы журнальная сатира Крылова отличалась глубиной отрицанія. Но это въ нашихъ глазахъ не умаляетъ ея значенія: за нею остаются высокія литературныя достоинства.

Въ оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ журнальной сатиры Крылова мы также можемъ сослаться на отзывъ Я. К. Грота,

но на этотъ разъ уже не для того, чтобы возражать ему, а чтобы согласиться съ его сужденіемъ. „Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др.“, говоритъ Я. К. Гротъ,—„были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. *Почта духовъ* представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества“[1]). Сатира Крылова вовсе не ювеналовская, не бичующая, не безпощадная; въ ней нѣтъ никакого лирическаго порыва. Но именно ея наклонность перейдти въ повѣствовательную форму даетъ ей особую литературную цѣнность: въ прежнихъ сатирическихъ журналахъ встрѣчаются только бытовыя описанія въ обличительномъ духѣ, тогда какъ въ сатирическихъ очеркахъ Крылова изображаемыя имъ лица приводятся въ движеніе, въ дѣйствіе: его письма гномовъ напоминаютъ собою новеллы, въ которыхъ не только описаны нравы общества, но и очерчены характеры изображаемыхъ лицъ, разсказаны ихъ похожденія, и все это скрашено тонкимъ юморомъ, все вызываетъ тотъ свѣтлый смѣхъ, о высокомъ нравственномъ значеніи котораго говоритъ Гоголь въ послѣднемъ монологѣ своего „Разъѣзда“. Правда, Крыловъ не обладалъ большою изобрѣтательностью въ развитіи сюжетовъ; но это было постояннымъ уже недостаткомъ его таланта— и въ раннихъ его драматическихъ опытахъ, и даже въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ басняхъ. Но какъ въ басняхъ, такъ и въ сатирическихъ очеркахъ *Почты духовъ*, эта бѣдность изобрѣтательности скрадывается малымъ объемомъ произведеній, для которыхъ богатство сюжетовъ какъ бы необязательно. За то, какъ въ зрѣломъ періодѣ его творчества, къ которому принадлежатъ басни, онъ достигаетъ художественнаго совершенства преимущественно мастерствомъ разсказа, такъ и въ письмахъ гномовъ, которыя сочинены молодымъ человѣкомъ двадцати-одного года, проявляется то же стремленіе къ тонкой отдѣлкѣ изложенія. Въ то время, когда Крыловъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ, стихотворная форма ставилась гораздо выше, чѣмъ прозаическая; такъ, конечно, думалъ и онъ самъ; но его прекрасные очерки въ *Почтѣ духовъ* доказываютъ,

[1]) *Сборникъ* II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. VI, стр 113—114 перваго счета.

что такое предпочтеніе лишило русскую литературу замѣчательнаго прозаика-юмориста.

Подписка на *Почту духовъ* была объявлена на весь 1789 годъ; но журналъ выходилъ только съ января по августъ. Причина его прекращенія раньше срока неизвѣстна; но кажется, что ее слѣдуетъ искать не въ цензурныхъ затрудненіяхъ, а въ недостаткѣ средствъ для изданія: у *Почты духовъ* было всего 80 подписчиковъ. Итакъ, тонкая и остроумная сатира Крылова не была оцѣнена по достоинству въ пору своего появленія; болѣе вѣрная оцѣнка ея принадлежитъ уже критикѣ позднѣйшаго времени. Напечатанныя выше письма Крылова, впервые установивъ правильную хронологическую послѣдовательность его раннихъ литературныхъ произведеній, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Крыловъ довольно долго и безуспѣшно испытывалъ свои силы въ драматическомъ родѣ, прежде чѣмъ талантъ его нашелъ себѣ блистательное проявленіе въ журнальной сатирѣ.

28-го марта 1889 года.

им. Горького

(12)

2885